

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

О. В. Стрилец

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ
УГОЛОВНОГО ПРАВА:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Монография

Волгоград
ВА МВД России
2023

УДК 343.2
ББК 67.408
С 85

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

Стрилец, О. В.

С 85 Реализация принципов уголовного права: проблемы теории и практики : монография / О. В. Стрилец. – Волгоград : ВА МВД России, 2023. – 124 с.

ISBN 978-5-7899-1507-3

В монографии исследованы вопросы, связанные с содержанием, системой, значением принципов уголовного права, выявлены предпосылки, средства и формы их реализации в законодательстве и правоприменительной деятельности.

Основное внимание уделено проблемам принципов и их реализации в уголовном праве, что позволило по-новому взглянуть на соотношение и структуру принципов уголовного права; предложены рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики, которые восполняют отдельные имеющиеся пробелы в теории и законодательстве.

Издание адресовано курсантам, слушателям, адъюнктам и педагогическим работникам образовательных организаций системы МВД России.

УДК 343.2
ББК 67.408

Рецензенты: заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе доктор юридических наук, доцент *Н. Ш. Козаев*; начальник СО отдела полиции № 3 Управления МВД России по городу Волгограду *А. А. Мозгунов*.

ISBN 978-5-7899-1507-3

© Стрилец О. В., 2023
© Волгоградская академия МВД России, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Система принципов российского уголовного права	5
§ 1. Теоретические основы системы принципов права	5
§ 2. Принципы права в современной уголовно-правовой доктрине	19
Глава 2. Проблемы реализации принципов уголовного права в уголовном законодательстве и правоприменительной деятельности.....	42
§ 1. Проблемы реализации принципов уголовного права в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации	42
§ 2. Проблемы реализации принципов уголовного права при квалификации отдельных видов преступлений	70
§ 3. Проблемы реализации принципов уголовного права при назначении наказания.....	88
Библиографический список.....	107

ВВЕДЕНИЕ

Уголовное право играет значительную роль в деле охраны свободы личности и прав человека. Все люди обладают правами на фундаментальные человеческие ценности: жизнь, здоровье, свободу, честь, достоинство, неприкосновенность. Вместе с тем уголовный закон должен адекватно отражать действительность, быть максимально справедливым. Только при этих условиях он может выполнять свое основное предназначение: защищать права и свободы граждан, а также интересы общества и государства от преступных посягательств.

Важность точного отражения процессов, происходящих в обществе, в содержании уголовного законодательства вызывает необходимость учета общественного правосознания. Такой подход позволяет совершенствовать уголовный закон и институты уголовного права по критериям справедливости или несправедливости прежде всего потому, что в общественном правосознании всегда воплощены идеи разумного устройства права – справедливости, равенства, гуманизма и законности. Именно эти идеи с учетом специфики отрасли права и формируют принципы соответствующей отрасли права.

Принципы уголовного права формулируются на основе принципов правосознания и обусловлены теми происходящими в России социальными процессами, которые находятся в сфере уголовного права, определяя при этом его границы и содержание.

Принципы уголовного права (справедливости, вины, равенства, гуманизма и законности) имеют прямое отношение к реализации прав и свобод граждан, оказавшихся в сфере влияния уголовного закона.

Безусловно, одним из принципиальных положений современного уголовного права и, соответственно, важнейшим инструментом обеспечения прав и свобод граждан в России является законодательное закрепление принципов уголовного права.

Представленная монография будет способствовать приобретению соответствующих знаний, навыков и умений, необходимых для правильной оценки законодательства, познания его пробелов, умения принимать законные решения при коллизии ряда российского законодательства.

ГЛАВА 1. СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

§ 1. Теоретические основы системы принципов права

В условиях новых геополитических реалий борьба с преступностью предполагает наличие четких ориентиров в области регулирования уголовно-правовых отношений. Важнейшими из таких ориентиров, безусловно, являются уголовно-правовые принципы. Именно эти основополагающие идеи должны «пронизывать» уголовное законодательство и составлять основу правоприменительной деятельности. «В последнее десятилетие, – пишет М. В. Бавсун, – становится все очевиднее, что воздействие на преступность не может сохранять прежние формы»¹. В связи с этим проблемы, возникающие при реализации уголовно-правовых принципов, препятствуют эффективности противодействия преступности.

В Толковом словаре русского языка под принципом понимается «исходное положение какой-нибудь теории, учения, мировоззрения, теоретической программы»². Принципы являются первыми компонентами понятийного аппарата ряда правовых категорий³. А. В. Наумов указывает: «В юридической науке правовые принципы обычно увязываются с идеями, фиксирующими представление о том, каким право должно быть, об идеале как цели права»⁴. Определяя социальный аспект принципов права, В. К. Бабаев подчеркивает: «Принципы права выражают то главное, основное в праве, что должно быть ориентировано, устремлено на его развитие. В сравнении с правовыми нормами, соответствующими той или иной эпохе, определенному историческому периоду, принципы права отлича-

¹ Бавсун М. В. Проблемы определения содержания предмета и метода уголовного права в условиях современной концепции развития общественных отношений // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 4. С. 571.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 595.

³ См.: Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 222.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. М., 2001. С. 13.

ются большей устойчивостью, остаются неизменными в течение длительного времени»¹.

В то же время, как справедливо отмечают С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев, «в гносеологическом плане правовые принципы представляют собой идеи и положения, которые, с одной стороны, отражают господствующие взгляды по вопросам права, характерные для данной исторической эпохи; с другой стороны, формулируют определенные требования, выраженные в обобщенной форме и адресованные участникам правоотношений – судьям и адвокатам, истцам и ответчикам, обвиняемым и потерпевшим»². Являясь, по сути, научной абстракцией, принципы способны оказывать не только самостоятельное воздействие на общественные отношения, составляющие предмет правового регулирования (например, когда определяют политику законодательства и правоприменения), но и опосредованное, когда определяют условия применения конкретных норм, дополняя содержание их гипотез³.

Точное отражение процессов нашего общества в содержании уголовного законодательства возможно только через анализ общественного правосознания.

Доказывая социальное назначение принципов уголовного права, П. А. Фефелов отмечает, что «если сущность общественной опасности преступного деяния заключается в том, что такое несет антиобщественную ценностную ориентацию и способно служить прецедентом для повторения подобной деятельности в будущем, то сущность борьбы с антиобщественной, в том числе и преступной, деятельностью будет заключаться в разрушении антиобщественной ценностной ориентации и формировании новой, необходимой и полезной для общества... Чтобы социальные действия, направленные на разрушение антиобщественного прецедента, достигли максимального результата, необходимо, чтоб ответная мера была реализована во всех случаях, т. е. была создана обстановка неотвратимости наказания, в результате которой антиобщественный прецедент,

¹ Бабаев В. К. Теория современного советского права. Н. Новгород, 1991. С. 24.

² Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 23.

³ См.: Кленова Т. В. Принципы уголовного права и принципы кодификации в уголовном праве // Государство и право. 1997. № 1. С. 54.

соединенный с ответной реакцией государства, общества, получает новое социальное качество, создавая прецедент недопустимости соответствующего антиобщественного поведения, ценностную ориентацию, необходимую и полезную для общества... Такая постановка вопроса является исходной для определения специфики принципов уголовного права»¹.

Вместе с тем так ли специфичны принципы уголовного права в системе социального контроля? Уголовно-правовые принципы – это принципы права, принципы правосознания в той мере, в какой сфера общественной жизни находит воплощение в уголовном праве. Л. С. Явич писал: «Ошибочно полагать, что принципы правосознания тождественны принципам права. И те и другие являются юридическими принципами, но первые не всегда и не в полном объеме могут воплощаться в объективном и субъективном праве. В то же время неверно считать, что основные принципы, не закрепленные в нормах права, нельзя относить к юридическим (правовым) принципам. Принципы правосознания – тоже юридические принципы»².

Принципы права «пронизывают (должны пронизывать) всю структуру права – правосознание, нормы, правоотношения, а также правоприменительную практику. Каждый принцип – это идея, то есть мысль как продукт человеческого мышления об общем и наиболее существенном представлении о праве, правовом мировоззрении, о ценности права. Идеи-принципы дают представление о должествующем в праве, каким оно должно быть»³.

Принципы уголовного права всегда находили свое отражение в законодательстве именно потому, что во все времена воспринимались как основополагающие идеи правосознания. Поэтому, как точно отмечает В. В. Мальцев, «принципы уголовного права как основные идеи правосознания обладают большим или меньшим значением для других отраслей права, но по своей сути, форме (тем более, по названиям) они в гораздо большей мере общие, нежели

¹ Фелелов П. А. Принципы советского уголовного права // Правоведение. 1989. № 2. С. 36–37.

² Явич Л. С. Право развитого социалистического общества (сущность и принципы). М., 1978. С. 201.

³ Малеев Н. С. Правовые принципы, нормы и судебная практика // Государство и право. 1996. № 6. С. 12–13.

специфические сугубо уголовно-правовые, принципы права вообще»¹. С данной точки зрения большое значение имеет вопрос о систематизации принципов уголовного права.

В юридической литературе отражены разнообразные подходы к определению системы принципов. Г. А. Кригер предлагал разделить принципы на три группы – общие, межотраслевые и отраслевые. При этом он определял общие принципы как «основные черты организации правового регулирования всей системы социалистического права», а межотраслевые и отраслевые принципы – «специфику и конкретизирующие организацию правового регулирования в нескольких смежных отраслях и в каждой отдельной отрасли права»². П. А. Фефелов с учетом функциональной направленности выделяет среди принципов уголовного права основные и регулятивные. К первым он относит такие принципы, как принцип неотвратимости и индивидуализации наказания, гуманизм, демократизм и законность. Однако, по мнению автора, они «имеют магистральное значение, так как действуют на всем протяжении – от установления уголовной наказуемости до исполнения наказания»³. Ко второй группе П. А. Фефелов относит те принципы, которые действуют только на отдельных стадиях реализации уголовно-правовых норм (принцип экономии принудительных мер и т. д.)⁴.

Вместе с тем в теории уголовного права существовало классическое разделение принципов на общеправовые и специальные⁵. Данный подход использовался при разработке теоретической модели Уголовного кодекса, осуществлен Институтом государства и права

¹ Мальцев В. В. Принципы уголовного права. Волгоград, 2001. С. 110.

² Кригер Г. А. Место принципов уголовного права в системе принципов права // Советское государство и право. 1981. № 2. С. 103–105.

³ Фефелов П. А. Механизм уголовно-правовой охраны. Основные методологические проблемы. М., 1992. С. 113.

⁴ Там же.

⁵ См.: Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 12; Загородников Н. И. Принципы советского социалистического права // Советское государство и право. 1966. № 5. С. 65–74; Виттенберг Г. Б. Основные принципы советского уголовного права // Советская юстиция. 1978. № 21. С. 22–24.

АН СССР в середине 80-х годов. В систему специфических принципов уголовного права авторы модели предлагали включить:

- 1) законность;
- 2) равенство граждан перед законом;
- 3) принцип личной ответственности;
- 4) виновной ответственности;
- 5) неотвратимости ответственности;
- 6) гуманизм;
- 7) справедливость ответственности;
- 8) демократизм¹.

Основываясь на приведенной градации принципов, С. Г. Келина предлагала закрепить в качестве принципов уголовного права равенство перед законом, личную и виновную ответственность, справедливость ответственности, законность и другие положения, при этом утверждая, что «эти принципы выражают специфику предмета и метода уголовного права, т. е. юридическое своеобразие именно данной отрасли»².

В. Д. Филимонов, систематизируя принципы по содержанию и структуре, выделяет следующие их группы:

1) принципы, определяющие содержание и систему правовых норм Особенной части уголовного права, – охрана личности, общества и государства, а также принцип систематизации правовых норм по охраняемым объектам;

2) принципы уголовной ответственности – конституционные принципы уголовной ответственности (законности, равенства граждан перед законом, ответственности за совершенное преступление, ответственности за общественно опасное деяние и его общественно опасные последствия, вины, справедливости, гуманизма) и иные принципы уголовной ответственности (неотвратимости уголовной ответственности и стимулирования предупреждения преступлений, их общественно опасных последствий и исправления осужденных)³.

¹ См.: Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред.: В. Н. Кудрявцева, С. Г. Келиной. М., 1987. С. 18–19.

² Келина С. Г. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства // Советское государство и право. 1987. № 5. С. 66.

³ См.: Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. М., 2002. С. 56–131.

Однако ряд ученых, обсуждая вопрос о градации принципов, не делают четкого разграничения между содержанием общеправовых и специальных принципов. П. С. Дагель и А. В. Наумов указывают, что нет специфических уголовно-правовых принципов, поскольку общеправовые принципы действуют через отраслевые, а специфические отраслевые являются преломлением общеправовых¹. Г. А. Кригер писал, что «общеправовые, межотраслевые и специальные принципы, выступая как система и соотносясь как общее и особенное, взаимно дополняют друг друга и конкретизируют заложенные в них идеи, причем все они выступают в единстве. Только в таком случае эти принципы могут максимально способствовать развитию регулируемых ими социалистических общественных отношений»². Развивая данную мысль, В. Н. Кудрявцев и С. Г. Келина пишут: «Представляются малопродуктивными усилия выделить отраслевые принципы, т. е. уголовно-правовые принципы в „чистом“ виде. Общие, межотраслевые и отраслевые принципы соотносятся между собой как диалектические категории общего, особенного и единичного»³. Принципы уголовного права являются отражением общеправовых принципов в условиях уголовно-правовой реальности⁴.

Учитывая различный подход авторов к систематизации принципов, представляется возможным вывод, что специализация или избирательность принципов уголовного права по отношению к различным этапам реализации уголовной ответственности неправомерна, так как уголовное законодательство Российской Федерации закрепляет принципы, которые носят универсальный характер для уголовного права как отрасли права.

Систематизация принципов уголовного права имеет доктринальный характер и должна рассматриваться через систему норм, закрепленных в законодательстве, направленных на поддержание социального контроля посредством мер уголовно-правового характера.

¹ См.: Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / под ред. В. Н. Кудрявцева, С. Г. Келиной. С. 19.

² Кригер Г. А. Указ. соч. С. 106.

³ Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 62.

⁴ См.: Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть: учебник. Краснодар, 1999. С. 15.

«Право в целом, – пишет В. В. Мальцев, – его межотраслевые институты реальны лишь постольку, поскольку разнообразны и существуют отдельные отрасли права, закрепляющие и первое, и второе. Именно на базе отраслей права, отражающих реальности конкретных сфер общественной жизни, – предмета их правового регулирования, возникает весь спектр принципов права, из которого затем в теории выделяются как общие, так и межотраслевые принципы»¹.

Вместе с тем это ни в коей мере не означает, что принципы уголовного права должны полностью соответствовать содержанию общеправовых принципов и принципам других отраслей права. Сохранение принципов различных отраслей права, естественно, неодинаково, «если какой-либо правовой принцип относится к общеправовым, то он действует во всех (или почти во всех) отраслях советского права (например, принцип законности). Однако в каждой группе отраслей права и в каждой конкретной отрасли права этот принцип проявляется по-своему»². В то же время конкретизация принципов должна находиться в единых рамках обеспечения приоритета общечеловеческих ценностей.

Принципы конституционного права в системе принципов права имеют базисное положение. Конституция Российской Федерации служит первоосновой для формирования отраслевого законодательства. Довольно широко распространено представление о том, что источником той или иной отрасли права могут быть только отдельные конституционные нормы, непосредственно закрепляющие и регулирующие отношения, которые образуют предмет данной отрасли. В действительности, учитывая то, что конституционные нормы имеют «высшую юридическую силу, прямое действие и применяются на всей территории Российской Федерации» (ст. 15 Конституции), а федеральные законы и иные правовые акты, принимаемые в России, не должны им противоречить, справедливым будет утверждение, что Конституция является основой всех отраслей права.

¹ Мальцев В. В. Принципы уголовного права. С. 99.

² Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 62.

Весьма убедительным выглядит утверждение В. В. Мальцева, что «принципы конституционного права как самые общие и в то же время наиболее концентрированные идеи правосознания, отражающие по существу характер взаимоотношений личности, общества и государства, в значительной степени влияют и на содержание принципов уголовного права»¹.

Связь административного и уголовного права проявляется в процессе привлечения лица к ответственности. Административная ответственность играет значительную профилактическую роль в предупреждении преступлений, поскольку объект посягательства во многих административных правонарушениях и преступлениях один и тот же: права и свободы граждан, собственность, общественный порядок, порядок управления и другие административно-правовые отношения².

Принципы права, в силу своей социальной и юридической необходимости, должны закрепляться и формализовываться в законодательстве. «В отечественной юриспруденции, – пишет А. И. Бойко, – сложилось практически однозначное понимание природы и назначения принципов как руководящих идей или начал, нормативных обобщений, характеризующих главное и основное в праве и его применении. Принципы цементируют частные предписания. Если отсутствие законов в обществе создает, по мнению социологов, состояние аномии, то отказ от генеральных директив в самом праве повлечет атрофию и законотворчества, и правоприменения»³.

Сущность вопроса о соотношении принципов уголовного права с принципами уголовного законодательства находится в соотношении уголовного права и закона. Так, В. В. Мальцев отмечает: «Между принципами уголовного права и принципами уголовного законодательства во многом и наблюдается соотношение по типу „содержание“ и „форма“. Содержание первых посредством как обычных норм законодательства, так и норм, специально посвященных последним, входит в ткань уголовного законодательства,

¹ Мальцев В. В. Принципы уголовного права. С. 119, 120.

² См.: Российское административное право. Общая часть: учебник / под ред. В. А. Юсупова, В. Д. Симухина. Волгоград, 2002. С. 251.

³ Бойко А. И. Принципы уголовного права и уголовная политика // Уголовное право. Общая часть / под ред. В. Н. Петрашева. М., 1999. С. 40–41.

становясь тем самым отражением его принципов. Принципы же уголовного законодательства, закрепленные в его нормах, придают принципам уголовного права официальную, обеспеченную государством юридическую форму»¹. При этом существует «соотношение системы права как его внутренней формы или структуры, выявляющей его закономерности, имманентные свойства, с одной стороны, и системы законодательства как внешней формы выражение позитивного права – с другой»².

Принципы уголовного права, в отличие от принципов законодательства, прошли длительную социальную эволюцию и воспринимаются как основные идеи, выработанные обществом. Именно этим процессом А. В. Мицкевич и объясняет развитие позитивного права. Развивая данную мысль, отметим, что принципы права «есть непосредственное отражение упомянутой обусловленности в общественном сознании», а принципы уголовного законодательства «только ее опосредственный образ в уголовном законодательстве»³.

Следует согласиться с мнением, что каждый принцип уголовного права имеет самостоятельное значение. Уголовное право не может следовать только одному какому-либо принципу, как бы важен он ни был, так как само уголовное право выполняет не одну, а ряд социальных функций. Вместе с тем системность уголовно-правовых принципов означает их тесную связь и взаимообусловленность. Действие каждого принципа, содержащегося в этой системе, зависит от полноты и реальной действительности остальных принципов⁴.

Независимо от того, закреплены принципы права или нет в специальных статьях закона, они в полной мере выполняют регулятивно-охранительные функции. Однако сам факт декларации принципов в Уголовном кодексе, бесспорно, повышает их значение, гарантируя охрану и соблюдение в обществе основных социальных ценностей.

Впервые в российском уголовном законодательстве непосредственно в кодексе сформулированы основные принципы, которые

¹ Мальцев В. В. Принципы уголовного права. С. 107.

² Мицкевич А. В. Система права и система законодательства: развитие научных представлений и законотворчества // Проблемы современного гражданского права. М., 2000. С. 36.

³ Мальцев В. В. Принципы уголовного права. С. 107–108.

⁴ См.: Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 66.

носят такой же обязательный практический характер, как и иные нормы кодекса. Они обращены к законодателю, правоприменителю, потенциальным правонарушителям, их жертвам и ко всем гражданам, оказавшимся вовлеченными в уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и уголовно-исполнительные правоотношения¹.

Законодатель в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) закрепил пять принципов: законности (ст. 3), равенства граждан перед законом (ст. 4), вины (ст. 5), справедливости (ст. 6), гуманизма (ст. 7).

Утверждение в содержании ст. 3 УК РФ классической формулы – «нет преступления, нет наказания без закона» – дает возможность правоприменителю правильно и точно реализовать уголовно-правовые нормы. В то же время усиление принципа законности указанием на недопустимость применения уголовного закона по аналогии неразрывно связывает данное положение с принципом вины.

«Мысли, убеждения, – пишет Н. Ф. Кузнецова, – какими бы антиконституционными они не представлялись, криминализироваться и наказываться не должны»². Разумеется, уголовный закон не содержит норм, устанавливающих ответственность за обнаружение умысла. Как отмечает В. В. Мальцев, «содержательные в социальном плане идеи: справедливости, равенства, гуманизма и вины – могут войти в ткань уголовного законодательства только посредством норм его Общей и Особенной частей. Именно поэтому принцип законности (как принцип законодательства он, помимо всего прочего, должен соответствовать закону, вытекать из него, основываться на нем, то есть быть свойственным закону) является формой выражения других принципов уголовного права в уголовном законодательстве»³. Выражение принципов через законодательные нормы устанавливает их взаимосвязь.

Принцип вины, как и принцип законности, по сути, отображает равенство граждан перед законом: если лицо виновно, оно подле-

¹ См.: Кузнецова Н. Ф. Новый Уголовный кодекс России // Юридический мир. 1997. № 3. С. 27–28.

² Кузнецова Н. Ф. Принципы уголовного законодательства // Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 70.

³ Мальцев В. В. Принципы уголовного права. С. 235.

жит ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям. Сравнивая принцип вины и принцип равенства граждан перед законом, Н. Г. Иванов утверждает: «Согласно принципу вины, его онтологической интерпретации, субъект, виновный в совершении преступления, кто бы он ни был и что бы из себя не представлял, должен нести ответственность. Но ст. 4 УК добавляет, что помимо этого все перед уголовным законом равны. Но равны в чем? В виновности, которая единственно обосновывает ответственность. Декларирование в УК принципа равенства граждан перед уголовным законом способно, таким образом, создать мнение о желании законодателя завуалировать фактическое неравенство, покрытое древним символом порфиринозного Божественного представительства, явно излишними для справедливого закона акцентами, способными вместе с тем выполнять совершенно определенную служебную функцию идеологического штампа»¹.

Справедливость в уголовном праве является категорией универсальной, обеспечивающей связь между принципами права. «Принцип справедливости уголовного законодательства, – отмечает Н. А. Лопашенко, – имеет комплексный, всеобъемлющий характер, аккумулирует в себе все другие принципы. Если нарушаются они, нарушается и принцип справедливости»².

Так, С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев приходят к выводу, что «уголовное законодательство предоставляет широкие возможности для реализации принципа справедливости ответственности в строгом соответствии с тяжестью преступления, степенью вины и данными о личности виновного»³. «Реализация данного принципа, – пишет Р. Р. Галиакбаров, – связана с соразмерностью содеянного

¹ Иванов Н. Г. Парадоксы уголовного закона // Государство и право. 1998. № 3. С. 51.

² Лопашенко Н. А. Принципы уголовного законодательства // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Р. Р. Галиакбарова. Саратов, 1997. С. 17.

³ Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 143–144.

лицом поступка и уголовной ответственности и наказания за него»¹. Вместе с тем нельзя связывать содержание принципа справедливости только с его реализацией, это понятие намного шире. Т. В. Кленова утверждает, что «общая подчиненность задаче справедливой уголовной ответственности и наказания объединяет принципы уголовного права в систему»². Вина и справедливость как философско-этические, оценочные категории свидетельствуют об истинности и правильности определенного поведения личности с точки зрения общественных интересов. Социальная сущность принципов вины и справедливости обуславливает их взаимосвязь.

При закреплении принципа гуманизма в УК РФ наблюдается двусторонний подход. «Обеспечение безопасности членов общества от преступных посягательств и обеспечение прав человека совершившему преступление лицу. В первом случае установление уголовной ответственности, в отдельных случаях достаточно суровой, должно оказывать сдерживающее влияние на неустойчивых членов общества и предупреждать совершение преступлений, обеспечивая тем самым защиту общества. Принцип гуманизма также направлен на обеспечение прав человека преступившим закон и совершившим преступление лицам»³. Рассмотрение принципа гуманизма в двух аспектах связано с его сложностью и неоднозначностью. Однако при утверждении, что данный принцип является гарантией обеспечения безопасности человечества, и при закреплении принципа гуманизма через наказание наблюдается непосредственная связь с принципом вины. В первом случае через социальную сущность принципа вины, т. е. оценки отношения лица к социальным ценностям общества, и влиянием «на неустойчивых членов общества». Во втором – путем обращения к виновному лицу, совершившему преступление, при назначении наказания. «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему

¹ Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть: учебник. Краснодар, 1999. С. 18.

² Кленова Т. В. Принципы уголовного права и принципы кодификации в уголовном праве // Государство и право. 1997. № 1. С. 56.

³ Игнатов А. Н. Уголовное право: понятие, предмет и система // Уголовное право России: в 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 1999. С. 13.

преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» (ч. 2 ст. 7 УК РФ).

Так, В. Д. Филимонов считает, что соотношение между принципами можно обнаружить как в горизонтальном, так и в вертикальном их выражении. Соотношение принципов по горизонтали определяется предметом их регулирования. По этому признаку выделяют три группы: принципы, регулирующие условия уголовной ответственности; принципы, регулирующие основание и содержание уголовной ответственности; принципы, регулирующие обязательность уголовной ответственности. Соотношение принципов по вертикали выявляет их определенную иерархию. В данной градации верховенство занимает принцип справедливости как принцип, предопределяющий содержание других принципов¹.

В. В. Мальцев предлагает свою схему системы принципов уголовного права. Как отмечает ученый, «содержание справедливости как принципа уголовного права (правосознания) обуславливается содержанием категории социальная справедливость применительно к предмету уголовного права: предмету уголовно-правовой охраны и общественно опасному поведению, ибо последние являются не чем иным, как наиболее важными социальными ценностями и разновидностью поведения людей реального общества. Поэтому и принцип справедливости – наиболее насыщенный и широкий в социальном плане – по своим уравнивающей и распределяющей сторонам предопределяет содержание принципов равенства и гуманизма. Принцип равенства в свою очередь обуславливает основания принципа вины. Ведь последний есть не что иное, как субъективное (внутреннее, психологическое) основание равенства граждан в уголовном праве. Поскольку уголовно-правовое содержание справедливости (как и принцип равенства по отношению к принципу вины) может быть и не исчерпанным в принципах равенства и гуманизма, не исключается и прямое влияние справедливости (конечно, и принципа равенства) на принцип законности. Между тем так или иначе (прямо или опосредованно) все содержательные принципы уголовного права (справедливости, равенства, вины и гуманизма) воздей-

¹ См.: Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. М., 2002. С. 50–55.

ствуют на содержание уголовного законодательства только через посредство формального (служебного, функционального) принципа законности».

Соглашаясь с мнениями авторов о «верховенстве» принципа справедливости, его экстраординарности² и значении в содержании данного принципа социальной справедливости как одной из категорий общественного сознания, отметим, что принцип справедливости предопределяет содержание ординарных принципов, к числу которых мы относим следующие: вины, равенства и гуманизма. Соответственно, последние в свою очередь, реализуя уравнивающую и распределяющую сторону социальной справедливости, обуславливают содержание принципа вины. Поведение лица в момент совершения общественно опасного деяния основывается на сознательном, свободном и равном выборе, т. е. «субъективном» основании равенства граждан перед законом. Вместе с тем выбор поведения определяется системой идей и взглядов на социальные ценности, выработанные в обществе. Ни в коей мере не отрицая активной роли сознания личности в генезисе его поведения в момент совершения общественно опасного деяния, его свободе выбора между преступным и непроступным видом поведения, заметим, что в совершении преступления есть степень ответственности и общества. Поэтому оценка поведения лица при совершении общественно опасного деяния должна основываться только на гуманных идеях, присущих данному обществу. В иерархии принципов уголовного права принцип законности как единое основание нормативного закрепления идей, выраженных в этих принципах, является неординарным³.

Полагаем, что говорить о подчиненности принципов уголовного права при их систематизации односторонне, так как они взаимосвязаны и взаимозависимы.

¹ Мальцев В. В. Принципы уголовного права. С. 131.

² Экстраординарный – чрезвычайный. При этом ординарность – обыкновенный (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. С. 458, 908).

³ Здесь частица «не» употребляется для придания утвердительности (не просто обыкновенный – О. С.). (см.: Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 979).

Систематизация принципов уголовного права должна основываться на их взаимосвязи, взаимозависимости и взаимовлиянии.

Принцип справедливости является экстраординарным, так как предопределяет содержание других принципов уголовного права.

Принципы вины, равенства и гуманизма – ординарные, поскольку обуславливают реализацию принципа справедливости в уголовном праве.

Принцип законности – неординарный, поскольку служит главным образом единственным основанием закрепления положений принципов уголовного права в уголовном законодательстве.

§ 2. Принципы права в современной уголовно-правовой доктрине

Определив систему принципов российского уголовного права, можно перейти к анализу их содержания в правовой доктрине. Под содержанием понимается определенность предмета, характеризующая его сущность¹.

Принципы будут рассмотрены с учетом предложенной выше авторской систематизации.

Принцип справедливости

В отечественной науке уголовного права справедливость как самостоятельную уголовно-правовую категорию впервые стали выделять только в начале XX в.

В 1902 г. Н. С. Таганцев в курсе лекций по Общей части уголовного права сформулировал положения, которые не только не противоречат современным представлениям о справедливости в уголовном праве, но и вполне вписываются в их контекст. Так, идеи справедливости лежат в основании взглядов Н. С. Таганцева относительно стадий преступной деятельности, соучастия в преступлении и обстоятельств, исключающих преступность деяния. Злободневными и сейчас являются его принципиальные позиции об исключительной наказуемости приготовительных действий только за наиболее тяжкие преступления, об отграничении соучастия в преступлении от прикосновенности к преступлению².

¹ См.: Ефремова Т. Ф. Указ. соч. С. 654.

² См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Часть общая. Лекции. СПб., 1902. Т. 1. С. 679–819.

Зарождение советской науки уголовного права было связано с критическим пересмотром большинства понятий и институтов, выработанных теорией дооктябрьской эпохи, а также разработкой новых теорий и концепций, соответствующих марксистско-ленинскому мировоззрению. Некоторые положения, сформулированные в годы становления уголовно-правовой доктрины советского государства, шли вразрез с основополагающей идеей справедливости.

А. Я. Эстрин в 1931 г. утверждал, что «из двух принципиальных критериев для применения к осужденному меры уголовной репрессии: либо 1) критерий справедливости (вина), либо 2) критерий целесообразности (опасность преступления и преступника) – мы выбираем второй»¹.

С 60-х гг. теоретики начинают выделять справедливость в числе принципов советской уголовной политики и уголовного права², а в 70–80-е гг. достаточно подробно анализировать и исследовать. Так, П. А. Фефелов в работе «Понятие и система принципов советского уголовного права» 1970 г. отождествлял справедливость с индивидуализацией наказания. По его мнению, данный принцип заключается в учете характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, отягчающих и смягчающих обстоятельств³.

В работе С. Г. Келиной и В. Н. Кудрявцева «Принципы советского уголовного права», вышедшей в 1988 г., справедливости посвящена отдельная глава. В ней авторы одними из первых рассматривали справедливость в качестве самостоятельного уголовно-правового принципа, подвергая при этом острой критике подход П. А. Фефелова относительно совпадения данной категории с индивидуализацией наказания. По мнению С. Г. Келиной и В. Н. Кудрявцева, «индивидуализация всегда относится к личности виновного,

¹ Эстрин А. Я. Уголовное право СССР и РСФСР. М., 1931. С. 27.

² См.: Загородников Н. И. Принципы советского социалистического уголовного права // Советское государство и право. 1966. № 5. С. 65–74; Сахаров А. Б. О принципах социалистического уголовного права // Правоведение. 1969. № 4. С. 56–64.

³ См.: Фефелов П. А. Понятие и система принципов советского уголовного права. Свердловск, 1970. 144 с.

справедливость же – понятие более широкое: здесь учитываются и личные и общественные интересы»¹.

В работе авторы также выделяли три уровня проявления принципа справедливости в уголовном праве: при назначении наказания, определении санкции, формировании круга преступных деяний. Однако С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев отмечали, что законодательная формулировка этого принципа должна содержать только одну из сторон проявления – при назначении наказания или иной меры уголовно-правового воздействия².

Разработки советских ученых послужили фундаментом для исследования принципа справедливости в современной теории уголовного права. При этом в настоящее время представители науки активно ведут дискуссии относительно его интерпретации, целесообразности нормативного закрепления и способов законодательного выражения.

Так, выделяются различные подходы к толкованию принципа справедливости. К примеру, сторонники одной позиции полагают, что принцип справедливости относится только к институту назначения наказания. В частности, А. Н. Игнатов пишет: «Принцип справедливости означает, что суд при назначении наказания должен руководствоваться не эмоциями, не чувством мести, а объективной оценкой как совершенного преступления, так и личности виновного»³.

Н. Ф. Кузнецова выделяет две составляющие принципа справедливости: уголовного закона и наказания, назначаемого судом за преступление. «Справедлив закон, – полагает Н. Ф. Кузнецова, – который отвечает требованию социальной обоснованности криминализации деяний и пенализации преступлений»⁴.

Ряд ученых, придерживаясь расширительного подхода к толкованию, включают в принцип справедливости также вопросы криминализации и декриминализации, пенализации деяний, типологизации преступлений, привлечения к уголовной ответственности и ос-

¹ Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 136.

² Там же. С. 135.

³ Уголовное право России: учебник для вузов. В 2 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. М., 2000. С. 12.

⁴ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении: учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 26.

вобождения от нее и др.¹ Свою точку зрения они обосновывают тем, что закрепление принципа справедливости в статье Общей части УК РФ бесспорно свидетельствует о его отражении на содержании не отдельных институтов, а уголовного права в целом.

Вместе с тем, по мнению В. В. Мальцева, принцип справедливости «не охватывает все стороны нашего бытия и не характеризует все позитивные общественные отношения. В значительной мере на эту роль может претендовать лишь социальная справедливость»².

В среде правоведов не утихает также дискуссия относительно целесообразности закрепления принципа справедливости в уголовном законе. Так, К. В. Ведяхина обращает внимание на невозможность нормативного определения справедливости, выражающуюся через совершенно разные, а порой и несовместимые понятия³.

Представители другой позиции, напротив, полагают, что отказ от закрепления справедливости в законодательстве приведет к регрессу⁴. В поддержку своей точки зрения ученые приводят ряд доводов: во-первых, справедливость имеет непосредственную связь с правом; во-вторых, несмотря на то, что дать законодательное определение принципу справедливости достаточно непросто, отказ от его нормативного закрепления повлечет за собой еще больше разобщений и дискуссий; наконец, в-третьих, наличие в российском уголовном законодательстве статьи, утверждающей принцип справедливости, способствует формированию сознательного отношения к соблюдению норм уголовного права. Кроме того, по мнению теоретиков, нельзя в целом недооценивать значение принципов, обеспечивающих единство и стабильность уголовного закона.

¹ См.: Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. С. 13–140; Набиев И. Г. Принципы назначения наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С.13.

² Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб., 2004. С.180.

³ См.: Ведяхина К. В. Основные нравственно-этические и социально-политические принципы российского права: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2001. С. 79.

⁴ См.: Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 242; Пудовочкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Указ. соч. С. 140.

Однако, если верен тезис об уравнивающей и распределяющей сторонах справедливости, то и законодательные определения принципов справедливости, равенства и гуманизма должны быть не просто согласованными друг с другом, а образовывать единую систему структурно связанных между собой принципов.

Законодательное определение принципа справедливости вполне может быть дано через нормативные дефиниции принципов равенства и гуманизма.

Между тем, если мы обратимся к содержанию ст. 6 УК РФ, то едва ли поймем, в чем заключается указанная несправедливость, каковы ее истоки. Последние же в нарушении принципа равенства граждан перед законом, выражающемся в неравной правовой защищенности одинаковых по социальной значимости интересов, в подрыве единого, равного, адекватного социальным реалиям масштаба криминализации в уголовном законодательстве и, как следствие этого, в неполноте, а значит, и в неравенстве субъектов уголовно-правовых регулятивных и охранительных отношений, отношений ответственности. Не говоря уже о том, что пробельность уголовного законодательства может свидетельствовать и о недостаточном обеспечении охраны гуманистических основ гражданского общества и социального государства в России, приоритетной защиты прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, идеи равенства и гуманизма как менее абстрактные, более предметные и близкие к конкретным жизненным ситуациям, нежели идея справедливости в целом, лучше и воспринимаются общественным правосознанием, а потому закрепление в уголовно-правовых дефинициях именно их признаков одновременно является и наиболее точным отражением содержания идеи справедливости в уголовном законодательстве.

Здесь есть еще один с позиций техники конструирования норм уголовного законодательства едва ли преодолимый момент. Адекватное отражение в дефинициях равенства и гуманизма принципа справедливости фактически устраняет потребность в его полном самостоятельном закреплении в отдельной норме уголовного законодательства, ибо таковое или станет более сложным воспроизведением упомянутых дефиниций или будет в большей или меньшей мере не соответствовать содержанию идеи справедливости, а сама

норма превратится в препятствие для реализации принципа справедливости в уголовном праве.

Помимо того, что сфера реализации принципа справедливости в ч. 1 ст. 6 УК РФ по существу ограничена пределами ответственности лиц, совершивших преступления, обозначенная в ней для уяснения содержания этого принципа совокупность признаков как раз и характеризует в первую очередь принципы равенства граждан перед законом и гуманизма. Прежде всего, «характер и степень общественной опасности преступления» – это единое основание, масштаб равенства в уголовном праве, а «личность» обладает наибольшей значимостью именно в гуманистическом аспекте. Что касается «обстоятельств его совершения», то в своем подавляющем большинстве это обстоятельства, смягчающие либо отягчающие наказание, которые так или иначе опять-таки характеризуют распределяющую или уравнивающую стороны справедливости.

Одно из основных и давних правил справедливости: «не дважды за одно и то же» («non bis in idem») заключено в содержании ч. 2 ст. 6 УК РФ.

Использование при нормативном обозначении этого частного проявления справедливости термина «повторное осуждение» вместо выражения «нести уголовную ответственность дважды» не только снимает все еще окончательно не разрешенные в теории уголовного права проблемы, связанные с определением момента возникновения, содержания и границ уголовной ответственности, указывает на конституционные и международно-правовые истоки данного положения справедливости, доступнее для понимания гражданами, но и по существу точнее отражает этот аспект справедливости. Справедливость положения «не дважды за одно и то же» категорична и определена, потому и по содержанию ей больше соответствует категоричность и абсолютная ясность запрета о недопустимости повторного осуждения.

Принцип вины

Принцип вины, устанавливая концептуальную идею уголовного права – привлечение к ответственности только при наличии вины, определяет возможность его рассмотрения непосредственно через нормы главы пятой УК РФ «Вина». Как отмечает В. В. Мальцев, «углубленное уяснение содержания этого принципа возможно толь-

ко в тесной связи с положениями указанной главы, учением о субъективной стороне преступления»¹.

Анализируя роль принципа вины и вины как признака состава преступления в современном уголовном праве, многие авторы утверждают, что они являются связующим звеном между объективной и субъективной стороной преступления. Так, Р. А. Базаров отмечает: «В соответствии со ст. 5 УК России лицо подлежит уголовной ответственности только за то общественно опасное деяние, в отношении которого установлена его вина. Объективное вменение, т. е. уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается. Таким образом, одним из неотъемлемых условий уголовной ответственности является виновное совершение деяния, т. е. при наличии соответствующего психического отношения к деянию и его последствиям. Вина в форме умысла и неосторожности – необходимое условие уголовной ответственности. В каждом конкретном случае требуется установить именно ту форму вины, которая предусмотрена уголовным законом»².

Вина представляет собой целостную и достаточную (для определения характера и степени ответственности) характеристику преступления, раскрывающую все существенные стороны содеянного³. Рассматривая вопрос взаимосвязи объективного и субъективного в преступлении, В. Н. Кудрявцев пишет, что «субъективная сторона порождает, направляет и регулирует объективную сторону преступления. Отсюда очевидно определяющее значение субъективной стороны, ее активная роль в поведении человека»⁴. К. Ф. Тихонов утверждает, что именно «формы вины выражают собой специфическое для преступления единство объективного и субъективного, их связи и взаимодействие»⁵.

«Принцип вины, – отмечают С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев, – предполагает неразрывную взаимосвязь субъективных и объективных признаков преступления. С одной стороны, лицо может нести

¹ Мальцев В. В. Принципы уголовного права. С. 197.

² Базаров Р. А. Преступление. Состав преступления. Челябинск, 1997. С. 9.

³ См.: Злобин Г. А. Виновное вменение и уголовная ответственность // Актуальные проблемы уголовного права. М., 1988. С. 43.

⁴ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 12–13.

⁵ Тихонов К. Ф. Субъективная сторона преступления. Саратов, 1967. С. 85.

уголовную ответственность только за те свои желания и намерения, которые реально воплотились в общественно опасных действиях (бездействии). С другой стороны, никакие вредные для общества действия (бездействие) и их последствия не могут служить основанием уголовной ответственности, если они не определялись психическим отношением лица (в форме умысла или неосторожности)»¹.

Вместе с тем, соглашаясь с мнением ведущих правоведов о роли вины и ее форм, о связи объективного и субъективного в преступлении, нужно отметить, что содержание вины, которое раскрывается через нормы главы 5 УК РФ, не только обнаруживает связь между внешней и внутренней сторонами преступления, но и определяет «социальную природу преступления, превращая его в элемент социальной реальности, в факт общения между людьми, обуславливает его включенность в сферу общественных отношений»². Применительно к принципу вины он «отражает не только содержание (сущность) вины, ее качественно-количественные параметры, но и обусловленность вины от факторов социальной действительности, ее место в системе уголовного законодательства»³.

Законодательное утверждение в ст. 5 УК РФ в качестве основополагающей идеи уголовного права принципа вины требует создания надежных гарантий реализации этого принципа. Поэтому полностью соглашаемся с точкой зрения ученых, которые считают, что первым и главным гарантом этого призван быть сам уголовный закон, который «...должен установить точные границы и условия реализации принципа виновной ответственности, что обеспечило бы безошибочную деятельность правоприменительных органов в процессе установления и оценки вины преступника в совершенном им деянии»⁴.

В связи с этим вполне обоснованные, на наш взгляд, сомнения вызывает у некоторых ученых определение содержания данного принципа в законе⁵.

¹ Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 114.

² Злобин Г. А. Виновное вменение и уголовная ответственность. С. 43.

³ Мальцев В. В. Принципы уголовного права. С. 205.

⁴ Келина С. Г. Указ. соч. С. 81.

⁵ См., напр.: Мальцев В. В. Принципы уголовного права. С. 214.

Кроме того, законодательная формулировка принципа вины не позволяет определить, охватывается или нет данным понятием вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности с учетом формы вины, ее степени, мотива, цели и иных признаков субъективной стороны, влияющих на меру ответственности. Как отмечает В. В. Мальцев, «понимание принципа вины как специфического выражения уравнивающей стороны справедливости без учета степени вины лица будет половинчатым, поверхностным, не фиксирующим всей глубины его содержания»¹.

Вместе с тем существует еще один аспект, на котором хотелось бы остановиться. Законодательная формулировка (ч. 2 ст. 5 УК РФ) термина «объективное вменение» не дает возможности определить, укладывается ли в данное понятие привлечение виновного лица к уголовной ответственности без учета формы, степени вины и иных признаков субъективной стороны.

Термин «вменение» был взят на вооружение российской теорией уголовного права в немецкой криминологической литературе и означает процесс поставления деяния в вину определенному лицу². Следует согласиться с тем, что законодательное определение «объективного вменения» скорее вводит в заблуждение, чем раскрывает его содержание³.

А. И. Бойко отмечает, что «в ч. 2 статьи предается анафеме объективное вменение, т. е. принцип зависимости уголовной ответственности от объективных данных – что сделано, соответствует ли содеянное по своим наружным характеристикам описаниям закона? Участие психики лица, внутренние пружины поступка как бы не задействованы»⁴.

¹ Мальцев В. В. Принципы уголовного законодательства и общественно опасное поведение // Государство и право. 1997. № 2. С. 101–102.

² См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Тула, 2001. Т. 1. С. 711.

³ См.: Язовских Ю. А. Проблемы вменения в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998. С. 9.

⁴ Бойко А. И. Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Бойко. Ростов н/Д, 1996. С. 40.

В то же время ряд авторов¹ ассоциируют принцип вины с термином «субъективное вменение».

По нашему мнению, во-первых, использование терминов, относящихся к сфере психологии, будет затруднять сам процесс реализации принципа вины в правоприменительной деятельности. Во-вторых, если при объективном вменении не учитываются признаки субъективной стороны, то при «субъективном вменении» внимание объективным признакам деяния уделяется.

В. В. Мальцев пишет, что «наличие законодательного определения этого принципа и нормативного закрепления объективного вменения как ответственности за невиновное причинение вреда действительно устраняют необходимость и возможность употребления выражения „субъективное вменение“ в ином, нежели в противоположном понятию „объективное вменение“, значении»².

Довольно интересная позиция об объективном вменении предлагается А. И. Марцевым. Автор отмечает: можно продолжать говорить, что объективное вменение чуждо нашему уголовному праву. Но этот путь не продуктивен, поскольку трудно отрицать его реальное существование. Можно на законодательном уровне «искоренить» имеющиеся лазейки для объективного вменения. Но тогда появится возможность для уклонения от ответственности значительного числа лиц, совершивших преступления. Наиболее перспективный, по его мнению, путь состоит в том, что в отечественном уголовном праве вменение деяния в вину лицу, его совершившему, по общему правилу, должно быть субъективным. Однако объективное вменение имеет право на существование в качестве исключения из данного правила. Задача же законодателя в установлении строгих рамок, ограничивающих (а не исключających) возможность его применения³.

При исследовании в рамках кандидатской диссертации «Проблемы вменения в российском уголовном праве» Ю. А. Язовских

¹ См.: Галиакбаров Р. Р. Указ. соч. С. 18; Уголовное право Российской Федерации: общая часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. М., 2005. С. 20; Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2004. С. 49.

² Мальцев В. В. Принципы уголовного права. С. 199.

³ См.: Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000. С. 38–39.

предлагает рассматривать объективное вменение «как процесс постановления деяния в вину лицу, объективно причинившему вред, без установления его вины в совершенном противоправном деянии»¹.

Несмотря на перспективность данного определения, по нашему мнению, автор рассматривает объективное вменение только с учетом субъективных признаков деяния, при этом в первом случае вина выступает как обязанность нести ответственность за совершенное деяние, во втором – как элемент состава преступления.

Принцип вины, устанавливая концептуальную идею уголовного права – привлечение к ответственности только при наличии вины, определяет возможность его рассмотрения непосредственно через нормы главы пятой УК РФ и учения о субъективной стороне преступления.

Принцип равенства граждан перед законом

В Конституции Российской Федерации как в основном источнике, юридической базе права в целом и каждой отрасли в отдельности «нашли свое признание и нормативное закрепление все три основных компонента (аспекта, характеристики и свойства) правовой государственности – гуманитарно-правовой (права и свободы человека и гражданина), нормативно-правовой (конституционно-правовая природа и требования ко всем источникам действующего права) и институционально-правовой (система разделения и взаимодействия властей)»².

Принцип равенства перед законом, являясь одним из универсальных принципов права, нашел свое отражение в ст. 19 Конституции, многообразие же его нюансов отражено и во множестве других ее норм (ст. 3, 5, 6, 8, 13, 14, 15 и др.).

Идея о том, что все равны перед законом и судом, закреплена в отраслевом законодательстве по-разному. В одних случаях эта норма прямо прописана в законе, в других – имеется в опосредованных формах. Так, в УК РФ равенство перед законом возведено в ранг принципа и сформулировано следующим образом: «Лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения,

¹ Язовских Ю. А. Указ. соч. С. 10.

² Нерсесянц В. С. Философия права. М., 1997. С. 372–373.

места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств» (ст. 4 УК РФ).

Р. Р. Галиакбаров, анализируя данный принцип применительно к институту уголовной ответственности, отмечает: «Принцип равенства перед законом при разрешении уголовных дел проявляется только в одном – все лица, совершившие преступления, одинаково подлежат уголовной ответственности. При этом реализация принципа равенства ответственности не исключает ее индивидуализации в процессе назначения наказания или при решении вопросов о пределах ответственности. Социальное положение человека, его пол, возраст и другие показатели могут повышать или понижать пределы ответственности»¹.

Между тем равенство перед законом предполагает не только одинаковые основания уголовной ответственности, единую квалификацию одинаковых общественно опасных деяний, но и точную меру ответственности, которая достигается индивидуализацией наказания. Однако можно ли утверждать, что принцип равенства перед законом соблюден, при иных равных обстоятельствах, в случаях, когда за тождественные преступления назначаются различные наказания, предусматривающие разные условия его отбывания. Безусловно, такой подход нарушает равенство закона в отношении одного или даже обоих осужденных.

Критикуя содержание принципа равенства граждан перед законом, данное в ст. 4 УК РФ, А. И. Бойко пишет, что «любое личностное обстоятельство, оцененное законодателем как индифферентное для решения судьбы виновного, может быть опровергнуто либо порождает многочисленные вопросы», и «окончание статьи не дарит ясности правоприменителю. Узвизимый перечень якобы нейтральных обстоятельств оставлен открытым. Проще и лучше было бы оговорить, что все лица равны перед законом и судом независимо от каких-либо фактических обстоятельств, за исключением возраста и состояния психического здоровья»².

¹ Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 1999. С. 17.

² Бойко А. И. Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Бойко. Ростов н/Д, 1996. С. 36, 37.

Бесспорно, редакция ст. 4 УК РФ не лишена недостатков. Во-первых, существует реальная возможность приобретения определенных правовых льгот в зависимости от материального состояния граждан. Во-вторых, очень проблематично использование терминологии «также других обстоятельств» к принципу равенства перед законом. Если уж устанавливать перечень таких обстоятельств, то он подлинно должен быть закрытым.

Н. Ф. Кузнецова утверждает, что «принцип равенства, подобно всем иным уголовно-правовым принципам, имеет своими адресатами законодателя, правоприменителя и граждан (прежде всего в лице совершивших преступления и потерпевших от преступлений)»¹.

Конкретное наполнение принципа равенства, а отсюда и сочетание соответствующих обязанностей и прав участников уголовно-правовых отношений как раз и зависит от содержания конкретных элементов структуры предмета уголовного права.

Можно выделить следующие основные аспекты принципа равенства граждан перед законом.

Этот принцип предполагает равную по способу и мерам воздействия на виновных правовую защищенность одинаковых по социальной значимости интересов и, соответственно, неравную, адекватную иерархии общественных отношений, составляющих предмет уголовно-правовой охраны, правовую защищенность неодинаковых интересов.

Равная правовая защищенность одинаковых по социальной ценности общественных отношений обеспечивается законодателем при криминализации деяний и окончательно реализуется в суде применительно к каждому конкретному случаю. Другое дело, что и законодательное обеспечение, и судебная реализация этого аспекта равенства граждан перед законом могут быть полными или неполными, вообще осуществленными либо не осуществленными. Потому и исследование уголовного законодательства и практики его применения под этим углом равенства представляется очень важным и весьма перспективным с точки зрения их совершенствования.

¹ Кузнецова Н. Ф. Принципы уголовного законодательства // Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 71.

Интересы собственников иного, нежели транспортные средства, имущества в силу действующего законодательства оказались ущемленными в правовой защищенности. Может быть, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения в жизни и встречается чаще, чем неправомерное завладение без цели хищения иным ценным или недвижимым имуществом, однако отсюда совсем не вытекает, что по стоимости сравнимое с автомобилем или иным транспортным средством другое имущество должно оставаться без соответствующей уголовно-правовой защиты. Ведь норма, предусмотренная ст. 166 УК РФ, включена теперь в главу 21 («Преступления против собственности»), а не в главу 10 Особенной части УК 1960 г. («Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения»), в которой ранее и находился ее прототип, описанный в ст. 212¹ УК 1960 г. (угон транспортных средств). Почему же тогда интересы собственников и владельцев иного, чем транспортные средства, имущества, по существу, в нарушение ч. 2 ст. 8 Конституции не охраняются уголовным законом?¹

Единый уголовно-правовой способ защиты обуславливает и единство оснований освобождения от уголовной ответственности лиц, нарушающих одинаковые интересы. В этом плане нельзя считать оправданным наличие в уголовном законодательстве примечания к ст. 126 УК РФ («Похищение человека»), по которому «лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления». Ведь за причинение ущерба многим одинаковым или даже менее ценным (тем же отношениям собственности), нежели свобода человека, интересам по УК РФ такого освобождения не предусмотрено.

Реализация принципа равенства в законотворческой и правоприменительной сферах невозможна без определения единого, равного, адекватного социальным реалиям масштаба криминализации и пенализации в уголовном законодательстве. Этим масштабом может

¹ См.: Мальцев В. В. Проблемы законотворчества: об изменениях и дополнениях, внесенных в Уголовный кодекс Российской Федерации // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: в 2 т. Н. Новгород, 2001. Т. II. С. 260–262.

быть только точное, адекватное отражение в нем всех разновидностей, нюансов общественно опасного поведения как социального субстрата уголовного права. При этом его законодательное отражение должно включать в себя точное выражение как фактических признаков данного вида поведения человека, так и признаков, обуславливающих его общественную опасность. Только на основе первых можно отыскать, а значит, и идентифицировать такое поведение посредством уголовного законодательства, а на основе вторых – прибегнуть к конкретной мере уголовно-правового воздействия законодателем и судом. То есть неверное отражение в уголовном законе и тех, и других признаков реального общественно опасного поведения влечет за собой неточность масштаба уголовной ответственности, а следовательно, и неравенство граждан перед уголовным законом.

Равенство субъектов регулятивных и охранительных отношений, таким образом, в целом предопределяется их равенством по отношению к предмету уголовно-правовой охраны и общественно опасному поведению, выраженному в нормах уголовного закона.

Вместе с тем, помимо указанного, равенство в регулятивных отношениях предполагает и равенство их субъектов применительно к правомерному поведению людей. Именно с этим, по-видимому, и можно связать положение ч. 3 ст. 37 УК РФ о том, что «положения настоящей статьи в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти».

Равенство в охранительных отношениях, возникающих на основе уголовного законодательства по поводу содержания мер уголовной ответственности при нарушении виновными лицами регулятивных отношений, обуславливается равенством таких лиц применительно к мерам уголовной ответственности и содержанию соответствующих регулятивных отношений.

Таким образом, вопреки широко распространенному мнению и содержанию ст. 4 УК РФ, равенство в ответственности отнюдь не является единственным выражением принципа равенства гражд-

дан перед законом. Более того, речь о нем можно вести только после того, как созданы законодательные предпосылки действительного равенства в правовой защищенности; обретоено нормативное выражение единого, равного, адекватного по социальным реалиям масштаба криминализации и пенализации; обеспечено подлинное равенство субъектов регулятивных и охранительных уголовно-правовых отношений, ибо равенство в ответственности выступает во многом лишь как следствие таковых.

Принцип гуманизма

Содержание принципа гуманизма формирует два его аспекта. Первый заключается в подчинении иерархии интересов, охраняемых нормами уголовного права, гуманистическими ценностями, в наиболее полном отражении в этих нормах приоритета прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции). Второй связан с гуманным отношением к виновным при реализации норм, предусматривающих ответственность за совершенные им преступные деяния. Поэтому точное выражение принципа гуманизма в уголовном законодательстве во многом представляет собой проблему уяснения соотношения этих двух аспектов гуманизма, взвешенного подхода к человеку как объекту и уголовно-правовой охраны и уголовно-правового воздействия.

Нарушение этого соотношения, с одной стороны, может повлечь применение жестоких, несообразующихся с идеями равенства, справедливости и человечности мер уголовного наказания за ущемление любого из интересов, связанных с личностью члена общества, а с другой стороны, привести, за счет умаления значения, необеспечения уголовно-правовой охраны интересов граждан, к неоправданно мягким, несправедливым, следовательно, попирающим сущность самого этого понятия наказаниям.

Поскольку и смысл слов «гуманизм» (признание ценности человека как личности, его права на свободное развитие и проявление своих способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений) и «гуманность» (любовь, внимание к человеку, уважение к человеческой личности; доброе отноше-

ние ко всему живому¹⁾ действительно не один и тот же, следует попытаться разобраться, отражается ли это различие в содержании принципа гуманизма.

Гуманистическая образующая устройства реальных общества и государства (а значит, и ее приоритетная уголовно-правовая охрана) как раз охватывает и предопределяет эффективность уголовно-правового обеспечения всех указанных выше аспектов гуманизма. Чтобы обеспечить безопасность граждан как членов общества, прежде всего необходимо обеспечить безопасность общества и государства в целом. Всесторонняя же охрана интересов личности как минимум предполагает их достойное представительство в иерархии всех общественных интересов, их адекватное место в структуре общественных отношений существующего общества. Очевидно также, что именно содержание гуманистических мировоззрений общества и государства обуславливает как степень гуманного: доброго, внимательного, уважительного и заботливого отношения к потерпевшим, так и меру милосердия, человеческого отношения к преступникам.

Идеи гуманизма охраняются многими нормами, которые получили закрепление в различных главах УК РФ. Наряду с этим принцип гуманизма непосредственно закреплен в ст. 7 УК РФ и сформулирован следующим образом: «1. Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека. 2. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

И. Я. Козаченко, анализируя данный уголовно-правовой принцип, отмечает, что его сущность «заключается в признании ценности человека (однако не только преступника, но и в первую очередь того, кто пострадал от него). В частности, он выражается в том, что уголовная мера, влекущая существенное ущемление правового статуса осужденного, преследует единственную цель – оградить интересы других, правопослушных граждан, от преступных посягательств. В целях положительного влияния на виновного к нему

¹ См.: Большой энциклопедический словарь / глав. ред.: А. М. Прохоров. М.; СПб., 1993. С. 320.

должна применяться минимально необходимая мера уголовного наказания»¹.

«Гуманизм уголовного права, – пишет А. И. Чучаев, – в первую очередь должен проявляться в обеспечении уголовно-правовыми средствами неприкосновенности личности, собственности от преступных посягательств и т. д. В этих целях Особенная часть уголовного права содержит конкретные виды преступлений, за которые виновные подлежат наказанию. Гуманным будет любое справедливое наказание»².

Ряд ученых считают, что принцип гуманизма имеет две стороны, одна защищает интересы потерпевшего от преступления, а другая – направлена на защиту самого преступника³.

В принципе гуманизма закреплены две стороны, однако их значимость для общества и государства различна. Как справедливо отмечает В. В. Мальцев, «есть все основания говорить о широком и узком значении принципа гуманизма. В своем широком смысле он связан с обеспечением гуманистических устоев общества и государства, защитой прав и свобод человека и гражданина... Принцип гуманизма, следовательно, находит свое основное воплощение в регулятивных и охранительных уголовно-правовых отношениях, в содержании уголовного законодательства. В своем узком смысле принцип гуманизма связан с гуманным отношением к потерпевшему от преступления лицу и преступнику»⁴. Вряд ли возможно обеспечить гуманное отношение к преступнику в обществе без «гуманистических устоев». Соответственно, содержанием первой сторо-

¹ Козаченко И. Я. Уголовное право как основной инструмент уголовно-правового регулирования // Уголовное право. Общая часть / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой. М., 1997. С. 21.

² Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. М., 2017 // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

³ См.: Кузнецова Н. Ф. Принципы уголовного законодательства // Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 77; Игнатов А. Н. Уголовное право: понятие, предмет и система // Уголовное право России. В 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 1999. С. 13; Чучаев А. И. Принципы уголовного права // Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. И. Рапога. М., 2009. С. 19; и т. д.

⁴ Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. С. 171, 172.

ны принципа гуманизма должно определяться содержание его второй стороны.

Уголовная политика XXI в. взяла курс на гуманизацию уголовного законодательства. Так, авторы концепции уголовно-правовой политики на период до 2025 г. «Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.)» определяют три стратегических этапа развития и реализации уголовной политики на 2017–2025 гг.: 1) гуманизация законодательства и практики (2017–2018 гг.); 2) систематизация уголовно-правового поля (2019–2021 гг.); 3) новая пенализация, т. е. пересмотр наказуемости деяний (2022–2025 гг.)¹.

Не вдаваясь в полемику о значимости данной концепции для современной уголовной политики, отметим следующее. Во-первых, положения концепции о переводе всех особо тяжких преступлений, которые не были сопряжены при их совершении с общеопасным способом их совершения либо применением насилия или угрозой его применения, в категорию тяжких преступлений, а также о вводе запрета на назначение наказания в виде лишения свободы при совершении впервые преступлений в сфере экономики, едва ли соответствуют принципу гуманизма. Во-вторых, законотворческая деятельность в нашей стране за последние годы (федеральные законы: от 29.07.2017 № 248-ФЗ; от 29.12.2017 № 445-ФЗ; от 23.04.2018 № 111-ФЗ; от 27.06.2018 № 157-ФЗ; от 01.04.2019 № 46-ФЗ; от 17.06.2019 № 146-ФЗ; от 29.12.2022 № 586-ФЗ)² имеет яркие примеры невосприятия лозунга первого этапа вышеуказанной концепции.

Подводя итог, выделим основные положения, которым должно соответствовать определение гуманизма как принципа уголовного законодательства. Необходимо, по меньшей мере, указать на следующее: определение должно включать в себя и обеспечение гуманистических основ общества и социального государства, без этого обеспечение безопасности человека попросту невозможно; оно должно отражать весь комплекс прав и интересов личности, а не замыкаться

¹ См.: Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г. А. Есаков, Р. О. Долотов, М. А. Филатова, М. А. Редчиц, К. А. Цай. М.: Центр стратегических разработок, 2017. URL: <http://csr.ru/news/ugolovnaya-politika-dorozhnaya-karta-2017-2025-gg/> (дата обращения: 17.02.2023).

² Доступ ко всем упомянутым нормативным актам осуществляется из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сферой безопасности человека; так как гуманное отношение к преступнику и потерпевшему неразрывно связаны между собой, на правоприменительном уровне, исходя из их соотношения, определяется законодательная дефиниция, которая должна отражать и тот, и другой аспекты гуманизма; поскольку гуманность к упомянутым лицам имеет свои пределы и реализуется с учетом характера и степени общественной опасности преступления, совершенного виновным, значимости тех отношений, нарушением которых причиняется ущерб потерпевшему, основания и критерии таких пределов тоже должны быть обозначены в указанной дефиниции; при формулировании принципа гуманизма должно быть использовано только понятие «меры уголовно-правового характера»¹, ибо употребляемое сейчас наряду с ним выражение «наказание» охватывает хотя и самую значительную, но только часть мер уголовно-правового воздействия, что вносит в определение признаки, свойственные принципам меньшего объема, сужает содержание гуманизма как принципа уголовного законодательства до объема принципа назначения наказания.

Принцип законности

При анализе принципа законности с позиций уголовной политики не вызывает никаких сомнений тот факт, что он оказывает воздействие на каждом этапе ее реализации. Ведь именно законность указывает на принадлежность любого нормативного правового акта к числу необходимых для нормальной жизнедеятельности личности, общества и государства в целом и определяет обязательность их для исполнения.

Через призму содержания ч. 1 ст. 3 УК РФ можно выделить по крайней мере три аспекта этого принципа. Первый: нет преступления без указания на то в УК РФ. Данное положение (как и определение преступления: «запрещенное настоящим Кодексом» деяние – ч. 1 ст. 14 УК РФ) исключает привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших деяния, не предусмотренные УК РФ в качестве преступлений. Отсюда вытекает, что к уголовной ответственности не могут быть привлечены и лица, деяния которых были объявлены законодателем преступными уже после их совершения. Второй: нет наказания без указания на то в уголовном законе. Это

¹ См.: Мальцев В. В. Введение в уголовное право. Волгоград, 2000. С. 183–186.

требование выражается не только в том, что наказание должно полностью соответствовать системе и видам наказаний, содержанию санкций норм Особенной части УК РФ, но и определяться на основании общих и специальных правил его назначения. Освобождение от уголовной ответственности и наказания также должно производиться в строгом соответствии с законом. Третий: нет иных уголовно-правовых последствий преступления без указания на них в УК РФ. К таким последствиям, к примеру, могут быть отнесены иные меры уголовно-правового характера. Поскольку основания применения упомянутых мер, их виды и содержание исчерпывающим образом описаны в нормах Общей части УК РФ, нарушение этих норм будет одновременно и нарушением принципа законности.

Тем не менее соблюдение законов гражданами находится за рамками содержания предмета уголовного права, это сфера правомерного поведения, потому оно прямого отношения к законности как принципу УК РФ не имеет. Уголовное право предназначено для охраны наиболее важных социальных ценностей и обусловлено общественно опасным поведением людей. Уголовный закон, обусловленный теми же социальными предпосылками, не может иметь одну из них в качестве основной черты: основного признака, основной особенности, ибо «точное и неуклонное соблюдение уголовных законов гражданами» не оставляет в социуме места для общественно опасных форм поведения, а следовательно, превращает эти законы в малонужные, не связанные с реалиями социальной жизни юридические установления.

Достижение такого соблюдения законов – это цель-идеал, цель-максимум уголовного законодательства. Включив эту цель в число основных признаков принципа законности, надо быть последовательным и признать, что и законность в уголовном законодательстве – это всегда лишь недостижимый идеал, что в реальности она всегда «незавершенная», «половинчатая», как бы несуществующая, в общем, неудовлетворяющая идеалам современников.

Относя «определение уголовного наказания только в пределах и порядке, установленных уголовным законом» и «сбалансированное самим законом решение вопроса о пределах судейского усмотрения при применении норм уголовно-правового характера» к основным чертам законности, не следует забывать, что пределы и по-

рядок определения наказания, пределы судебного усмотрения при применении мер уголовно-правового характера только устанавливаются законом, а обуславливаются иными факторами: ценностью объекта уголовно-правовой охраны, общими и единичными показателями общественно опасного поведения, учтенными законодателем сквозь призму его принципов: справедливости, равенства, гуманизма и вины. Потому и в данных ситуациях роль закона (а значит, и законности) вторична, он выступает в качестве средства, инструмента правового выражения указанных социальных явлений, и в этом смысле названные черты законности какими-либо особенностями не обладают, представляя собой лишь конкретизацию законодательного положения о том, что наказуемость деяния (и иные меры уголовно-правового характера) определяется только УК РФ.

Конечно, объявление законодателем тех или иных форм общественно опасного поведения преступными (криминализация) возможно исключительно в рамках закона, с безусловным соблюдением требований принципа законности, но основание и повод криминализации, факторы, ее обуславливающие¹, находятся отнюдь не в самом законе, а в социальной сфере, т. е. там, куда и уходят своими корнями принципы справедливости, равенства, гуманизма и вины.

Уголовный закон предписывает гражданам, что нельзя и что они должны совершить в определенных ситуациях, тем самым возлагая на них уголовно-правовые обязанности, выполнение или невыполнение которых и является правомерным поведением либо нарушением уголовного закона, а значит, казалось бы, и соблюдением или нарушением законности. Тем более что отдельная часть граждан (следователи и дознаватели, прокуроры и судьи), в функции которых входит правоприменение по уголовным делам, как раз и обладают «эффективным механизмом» нарушения законности.

В основе социальной обусловленности идеи «без закона нет ни преступления, ни наказания» как принципа правосознания лежит стремление широких социальных слоев иметь гарантию от произвольного преследования властей, так как едва ли вообще найдется более грубое нарушение прав человека, чем привлечение лица

¹ См.: Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. М. Яковлева. М., 1982. С. 202–208.

к уголовной ответственности за деяние, не признанное преступлением или им объявленное уже после совершения деяния, нежели назначение лицу неуказанного в законе или более сурового, чем предусматривалось во время совершения деяния, наказания. В воплощении в праве этой идеи в целом заинтересован и законодатель, потому что только соблюдение данного принципа позволяет государству рассчитывать на предупредительный эффект уголовных законов.

Вместе с тем даже реализация упомянутой формулы названного принципа в законодательстве еще отнюдь не гарантирует общество от внешне законного произвола государства: преступлениями могут быть признаны и деяния, по сути, в силу отсутствия общественной опасности или ее незначительности таковыми не являющиеся, а наказания – носить драконовский характер. В связи с этим социальная обусловленность принципа законности неминуемо опирается на гораздо более широкое основание, нежели просто желание членов общества осознавать юридическую значимость своих поступков, гарантируя себя тем самым от невинного уголовно-правового преследования.

Н. А. Лопашенко справедливо утверждает: «Качество российской уголовной политики последних лет, а точнее его полное отсутствие, давно уже никого в науке не удивляет. При этом законодатель слеп и глух к нашим безысходным попыткам предложить разумные меры по ограничению произвола реформации Уголовного кодекса, да и вообще к позиции науки – она ему не интересна... уголовный закон безжалостно кроится Государственной Думой, улавливающей (а иногда и додумывающей) малейшее неудовольствие высшего руководства страны и правоохранительных органов ситуацией в отдельных сферах жизнедеятельности государства»¹.

Основываясь на требованиях принципа законности, а также реалиях нашего общества, законодатель обязан мотивированно определять круг общественно опасных деяний и устанавливать за них наказание.

¹ Лопашенко Н. А. Уголовная политика по принципу «Чего изволите», или уголовный закон как средство решения всех проблем // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. № 1. С. 44, 47.

ГЛАВА 2. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1. Проблемы реализации принципов уголовного права в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации

На принципах уголовного права базируется применение основных институтов Общей части УК РФ. Он выступает основой привлечения лиц, совершивших преступления, предусмотренные Особенной частью УК РФ, к ответственности и назначения им справедливого наказания.

Реализация принципов права в законотворческой деятельности является составной частью регулирования жизни нашего общества. Законотворчество, как и любой вид деятельности, не может обеспечить достижения поставленных задач без практической деятельности людей. Большинство членов нашего общества добровольно соблюдают нормы уголовного законодательства. Только в тех случаях, когда эти нормы нарушаются, органы, осуществляющие правоприменительную деятельность, начинают решать вопрос о привлечении лиц, нарушивших уголовно-правовые нормы, к ответственности.

Вместе с тем процесс реализации права заключается не только в регулировании определенных проблем членов общества, связанных с преступностью деяния, или в преобразовании «норм права в правомерное поведение субъектов в форме использования принадлежащих им прав, исполнения обязанностей и соблюдения запретов в целях удовлетворения интересов и потребностей адресатов права, достижения его (права) целей»¹. Уголовное право в соответствии с требованиями ст. 2 УК РФ выполняет охранительную функцию.

П. А. Феллов отмечает, что преступное деяние должно рассматриваться как конфликтное общественное отношение, противоположное охраняемому уголовным законом общественному отношению. По его мнению, именно общественная опасность преступного деяния является предпосылкой для раскрытия особенностей

¹ Основные понятия о праве и правовых явлениях // Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М., 1997. С. 40.

уголовной ответственности, охранительной функции уголовного права, принципов действия уголовно-правового охранительного механизма, принципов борьбы с преступностью¹. По сути, автор утверждает, что преступление – общественное отношение и с его помощью раскрывается сущность охранительной функции уголовного права. Мы солидарны с мнением ученых, которые отрицают правомерность такого подхода. Так, Б. Т. Разгильдиев пишет, что если «это возможно, тогда всякое совершенное преступление, разрушая одни общественные отношения, порождает другие»².

В теории уголовного права существует точка зрения о разграничении регулятивных и охранительных отношений. К примеру, И. Я. Козаченко считает, что уголовное право имеет два предмета регулирования: первый – охрана наиболее важных для общества отношений независимо от сферы человеческой деятельности; второй – регулирование отклоняющихся (аномальных) отношений, противоречащих интересам не только отдельных граждан, но и общества в целом³.

Однако моментом возникновения данных отношений является вступление в силу уголовного закона. Законодатель обязан при издании нормативного акта учитывать все возможные обстоятельства, противоречащие интересам общества, до их непосредственного возникновения.

Согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания».

«Выделение виновности в законодательном определении преступления, – отмечал П. К. Кривошеин, – это реализация, внедрение в повседневную правоприменительную жизнь принципа вины, основанного на общеправовом и конституционном принципе виновности (ст. 49 Конституции России)»⁴.

¹ См.: Фефелов П. А. Механизм уголовно-правовой охраны. Основные методологические проблемы. С. 25–28.

² Разгильдиев Б. Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права РФ. Саратов, 1995. С. 90.

³ См.: Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незманова. М., 1997. С. 15.

⁴ Кривошеин П. К. Понятие преступления // Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. А. С. Сенцова. Волгоград, 2001. С. 79–80.

Виновность – совокупность всех объективных и субъективных обстоятельств, обуславливающих процесс привлечения лица к уголовной ответственности и применения к нему конкретного наказания за совершенное общественно опасное деяние. Данные обстоятельства относятся к общему основанию уголовной ответственности, как «частное к целому». Исходя из этого правила, отсутствие частного, т. е. любого из обстоятельств, ведет к отсутствию целого – виновности.

Так, Модельный кодекс закреплял следующую редакцию ст. 5:
«Статья 5. Принцип виновной ответственности

(1) Лицо несет уголовную ответственность лишь за те действия (бездействие) и наступившие в результате их общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина, т. е. умысел или неосторожность.

(2) Уголовная ответственность за действия (бездействие), совершенные по неосторожности, а также за неосторожное причинение общественно опасных последствий наступает лишь в случаях, прямо указанных в законе»¹.

В дальнейшем С. Г. Келина и В. Н. Кудрявцев предлагали следующую редакцию ст. 5: «Лицо несет уголовную ответственность лишь за те действия (бездействие) и наступившие в результате их общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина, т. е. умысел или неосторожность»².

Часть 2 ст. 5, предложенная С. Г. Келиной, не была учтена законодателем при формулировании принципа вины в УК РФ. Данная норма получила свое непосредственное выражение в ч. 2 ст. 24 УК РФ: «Деяние, совершенное по неосторожности, признается преступлением только в том случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Практика применения ч. 2 ст. 24 УК РФ выявила проблемы при определении формы вины в некоторых преступлениях. В Особенной части УК РФ закреплены отдельные составы преступлений, в диспозиции которых нет указания на форму вины. При этом роль

¹ Цит. по: Келина С. Г. Принципы Уголовного кодекса // Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / под ред. В. Н. Кудрявцева, С. Г. Келиной. С. 24.

² Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 108.

в ее определении отводилась правоприменителю, а не закону, что, естественно, приводило к субъективной оценке признаков тех или иных преступлений.

Первоначальная редакция ч. 2 ст. 24 УК РФ «выводила за рамки преступных деяния, пусть и совершаемые умышленно, но у которых субъективная сторона наряду с умыслом могла выражаться и в неосторожности по отношению к последствиям такого деяния»¹.

Федеральным законом от 25 июля 1998 г. № 92-ФЗ законодатель внес изменение в ч. 2 ст. 24 УК РФ, которая сейчас гласит: «Деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

В. А. Нерсесян отмечает: «Такая дефиниция в определенной мере изменила положение к лучшему. Теперь в преступлениях, при описании которых законодатель не указывает, что они совершаются по неосторожности, возможна как умышленная, так и неосторожная форма вины в отношении наступивших последствий»².

Однако внесением изменений законодатель не решил всех проблем, связанных с применением ч. 2 ст. 24 УК РФ. Статья 8 УК РФ, формулирующая основание уголовной ответственности, требует, чтобы в деянии, совершенном лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, были установлены все признаки состава преступления.

Формулировка ч. 2 ст. 24 УК РФ предполагает, что в Особенной части УК РФ суды и органы дознания, следствия найдут в характеристике конкретных составов четкое указание на то, что закон позволяет привлекать к ответственности за соответствующее действие или бездействие при наличии неосторожной вины. К примеру, загрязнение атмосферы (ч. 1 ст. 251 УК РФ) характеризуется нарушением правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или нарушением эксплуатации установок, сооружений и иных объектов, если эти деяния повлекли загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха. Данные деяния «могут быть совершены как

¹ Мальцев В. В. Принципы уголовного права. С. 201.

² Нерсесян В. А. Ответственность за неосторожные преступления. СПб., 2002. С. 149.

умышленно, так и по неосторожности»¹. Однако в диспозиции ч. 1 ст. 251 УК РФ указания на неосторожную вину нет, соответственно, преступление должно квалифицироваться как умышленное.

Довольно интересна позиция Верховного Суда РФ по данному вопросу. Так, в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» закреплено следующее положение: «Исходя из положений части 2 статьи 24 УК РФ, если в диспозиции статьи главы 26 УК РФ форма вины не конкретизирована, то соответствующее экологическое преступление может быть совершено умышленно или по неосторожности при условии, если об этом свидетельствуют содержание деяния, способы его совершения и иные признаки объективной стороны состава экологического преступления»².

Дальнейший анализ конкретных составов преступлений, к сожалению, обнаруживает определенную несогласованность норм Общей и Особенной частей УК РФ.

Ряд статей в российском уголовном законе явно относятся к неосторожным преступлениям, тем не менее никакого намека на неосторожную вину не содержат (ст. 225 – ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств; ст. 246 – нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ; ст. 255 – нарушение правил охраны и использования недр и т. д.).

Например, по мнению Т. И. Ваулиной, субъективная сторона ст. 248 УК РФ (нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими агентами или токсинами) «характеризуется неосторожной формой вины (легкомыслие или

¹ Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Лекции по уголовному праву. Ставрополь, 2000. С. 396.

² См.: О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 (ред. от 15.12.2022) // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

небрежность)»¹. Полярной точки зрения придерживается О. Л. Дубовик, которая утверждает, что субъективная сторона этого преступления характеризуется косвенным умыслом². По мнению В. А. Нерсисяна, субъективная сторона комментируемого преступления выражается в форме умысла или неосторожности³.

Дело не только в решении вопроса квалификации данных преступлений. Совершенно очевидно, что ответственность за эти преступления по УК РФ возможна только при наличии умышленной вины. Проблема в том, что существует большая группа общественно опасных деяний, где отношение к наступающим последствиям не укладывается в одну из форм вины. Поэтому, как отмечает В. В. Мальцев, «вряд ли можно считать успешной попытку законодателя посредством нормы, описанной в ч. 2 ст. 24 УК, по существу, вроде бы уточнить, конкретизировать принцип вины применительно только к одной из ее форм»⁴.

И первоначальная редакция этой нормы, и действующая редакция не разрешают противоречия между предписаниями ч. 2 ст. 24 УК РФ и целым рядом статей Особенной части УК РФ. В теории уголовного права предлагаются следующие пути решения. Например, дополнить ч. 2 ст. 24 УК РФ указанием на то, что в статьях Особенной части УК РФ, предусматривающих преступления, которые могут быть совершены как умышленно, так и неосторожно, форма вины определяется судом в зависимости от обстоятельства дела⁵. В. А. Нерсисян отдает предпочтение следующему решению данного вопроса: «внести в диспозиции соответствующих норм Особенной части УК дополнения, смысл которых может быть таким: умышленное или неосторожное нарушение тех или иных пра-

¹ Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незманова. М., 1998. С. 500.

² См.: Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. С. 512.

³ См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996. С. 306.

⁴ Мальцев В. В. Принципы уголовного права. С. 204.

⁵ См.: Евлоев Н. Д. Уголовно-правовые аспекты ответственности за неосторожность. Краснодар, 2002. С. 34.

вил или совершение действий (бездействия)»¹. Особого внимания заслуживает позиция В. В. Мальцева, который отмечает, что «исключение из статьи 24 ее части второй совсем нельзя будет назвать утратой для Уголовного кодекса»².

Вместе с тем, несмотря на простоту решения, предложенного Н. Д. Евлоевым, дополнение ч. 2 ст. 24 УК РФ будет перегружать норму и приведет к удвоению и усложнению терминологии, более правильным будет разрешение данной проблемы через принцип вины. Второй путь потребует внесения больших изменений в УК РФ, поэтому возникает вопрос о его целесообразности.

Содержание данной нормы уже закреплено в ст. 3, 8 и ч. 1 ст. 24 УК РФ, ее существование в уголовном законодательстве только усложняет вопрос о неосторожной форме вины, «порождает иллюзию о существовании некоего самостоятельного основания уголовной ответственности для лиц, виновных в деяниях, совершенных по неосторожности»³. Соответственно, логично исключить из редакции ст. 24 УК РФ часть 2.

Анализ уголовного законодательства свидетельствует о проблемах соотношения базовых уголовно-правовых категорий в нормах, регламентирующих особенности уголовной ответственности несовершеннолетних. Так, согласно ч. 6.2 ст. 88 УК РФ несовершеннолетнему осужденному, которому назначено условное осуждение, совершившему в течение испытательного срока новое преступление, не являющееся особо тяжким, суд, учитывая обстоятельства дела и личность виновного, может повторно назначить условное осуждение. При этом устанавливается новый испытательный срок и на условно осужденного возлагается исполнение определенных обязанностей, в частности продолжить обучение в общеобразовательной организации, пройти лечение от алкогольной и наркотической зависимости.

Относительно предоставленного суду права назначить несовершеннолетнему повторное условное осуждение специалисты высказывают диаметрально противоположные точки зрения. Так, одни ученые полагают, что данное положение направлено на реализацию

¹ Нерсесян В. А. Ответственность за неосторожные преступления. С. 157.

² Мальцев В. В. Принципы уголовного права. С. 205.

³ Там же.

принципов гуманизма и справедливости в уголовном праве. По утверждению И. Я. Козаченко, отсутствие у несовершеннолетнего сформированной системы жизненных ценностей, четких нравственных установок и идеалов существенным образом облегчает процесс вовлечения его в преступную деятельность. Эти и другие особенности социального развития подростков, по мнению автора, должны быть учтены и законодателем, и судом¹.

В. В. Орлов также является сторонником возможности повторного условного осуждения несовершеннолетних. С точки зрения правоведа, нахождение детей в условиях воспитательного учреждения закрытого типа формирует из них «социальных инвалидов», не способных в дальнейшем адаптироваться в обществе².

Вместе с тем другие представители научного сообщества высказываются против данного законодательного решения. В частности, Е. В. Рогова обращает внимание на то, что столь гуманное отношение законодателя к несовершеннолетним преступникам способно породить идею о вседозволенности, что неизбежно приведет к углублению «деморализации личности подростка»³.

И. В. Черненко также подчеркивает, что многократное условное осуждение несовершеннолетних формирует у них чувство безответственности и подталкивает к продолжению преступной деятельности. Автор отмечает, что «регулярность» совершения преступлений свидетельствует о криминогенной направленности личности несовершеннолетнего и неэффективности исправительного воздействия условного осуждения⁴.

С. А. Корягина настаивает на исключении рассматриваемого положения из уголовного закона как не соответствующего принципу

¹ См.: Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавриата и специалитета / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 255.

² См.: Орлов В. В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2005. С. 64.

³ Рогова Е. В. Исправительные работы и особенности их применения к несовершеннолетним: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 23.

⁴ См.: Черненко И. В. Особенности уголовной ответственности и альтернативных ей мер в отношении несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Кемерово, 2006. С. 141.

справедливости¹. Неоднозначную точку зрения по данному поводу высказывает Н. Ю. Скрипченко. По мнению правоведа, назначать повторное условное осуждение несовершеннолетним, не вставшим на путь исправления, нецелесообразно. Однако исключение данной возможности может привести к изоляции и тех подростков, которые совершили преступление в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств².

Разумеется, содержание подростков в местах лишения свободы разрушает процессы социализации и становится серьезным препятствием на пути к полноценной жизни в обществе. Однако является ли условное осуждение адекватной мерой, если лицо вновь и вновь совершает преступления? Согласимся с М. И. Третьяк и И. В. Колячкиной, что гуманизация уголовной политики в отношении несовершеннолетних не должна «сопровождаться безграничным смягчением уголовной ответственности»³.

Сущность условного осуждения заключается в оказании доверия осужденному и предоставлении ему возможности избежать реального отбывания наказания, но при условии выполнения определенных требований. И в случае если осужденный игнорирует эти требования, а уж тем более совершает новое преступление, то очевидно, что он не оправдал оказанного судом доверия, и в большинстве случаев необходимо применение к нему реального наказания. Более того, если несовершеннолетнему назначается условное осуждение второй, а уж тем более третий, четвертый и так далее раз, то у него возникает чувство безнаказанности за совершаемые им преступления. Говорить о достижении цели превенции в такой ситуации просто бессмысленно.

В связи с этим необходимо внести изменения в ч. 6.2 ст. 88 УК РФ, предусмотрев, что повторное условное осуждение возможно только при наличии исключительных обстоятельств дела. Кроме того,

¹ См.: Корягина С. А. Назначение условного осуждения несовершеннолетним осужденным: теория и практика // Российский следователь. 2009. № 3. С. 12.

² См.: Скрипченко Н. Ю. Теория и практика применения иных мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 138.

³ Третьяк М. И., Колячкина И. В. Некоторые вопросы применения условного осуждения несовершеннолетних // Общество и право. 2013. № 2 (44). С. 99.

целесообразно дополнить ст. 88 УК РФ положением о том, что если несовершеннолетний осужденный, который условно осужден повторно, совершит в течение испытательного срока новое преступление, то суд должен отменить условное осуждение и назначить ему наказание по правилам, предусмотренным статьей 70 УК РФ. Полагаем, что такое решение позволит установить баланс в реализации принципов гуманизма и справедливости.

Проблема соотношения гуманизма и справедливости прослеживается и при установлении мер уголовно-правового воздействия, относящихся к постпреступному поведению. Так, ст. 93 УК РФ предусматривает возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания лица, совершившего преступление в несовершеннолетнем возрасте, осужденного к лишению свободы. При этом обязательным условием применения данной меры уголовно-правового воздействия является отбытие не менее одной трети срока наказания, назначенного судом за преступление небольшой или средней тяжести либо за тяжкое преступление, и не менее двух третей срока наказания, назначенного судом за особо тяжкое преступление.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 260-ФЗ установил особенности условно-досрочного освобождения беременной женщины или женщины, имеющей ребенка в возрасте до трех лет, находящегося в доме ребенка исправительного учреждения, совершивших преступление небольшой тяжести. Срок фактического отбывания наказания данными категориями осужденных снижен до одной четверти¹. Новелла, вне сомнений, является вполне оправданной, поскольку направлена на реализацию принципа гуманизма путем усиления механизма правовой защиты осужденных несовершеннолетних, беременных женщин и женщин, имеющих при себе детей.

Вместе с тем названный закон не устранил имеющееся в ст. 93 УК РФ очевидное нарушение принципа справедливости. Речь идет об отсутствии разделения сроков фактического отбывания наказания, после которых возможно инициировать вопрос об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания лиц, совершив-

¹ См.: О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 260-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

ших в несовершеннолетнем возрасте преступления небольшой или средней тяжести и тяжкие преступления. Данный факт, по сути, игнорирует требование дифференциации уголовной ответственности в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния.

Более того, установленный единый срок (одна треть) не приемлем в случае совершения тяжкого преступления. Дело в том, что в ч. 6 ст. 88 УК РФ для несовершеннолетних осужденных предусмотрены верхние пределы наказания в виде лишения свободы. В частности, в случае совершения преступления небольшой или средней тяжести, а также тяжкого преступления в возрасте до шестнадцати лет наказание в виде лишения свободы назначается на срок не свыше шести лет. Исходя из этого, у осужденного, совершившего тяжкое преступление, появится возможность условно-досрочного освобождения по отбытии уже двух лет (и это максимум).

Стоит отметить, что рассматриваемую проблему ученые обозначали ранее. Так, А. А. Горшенин утверждает, что «столь несбалансированный подход» к условно-досрочному освобождению лиц, совершивших в несовершеннолетнем возрасте преступления разных категорий, идет вразрез с принципом «индивидуализации наказания и исправительного воздействия»¹. Полагаем, что в этом случае имеет место нарушение одного из требований принципа справедливости – индивидуализации меры уголовно-правового воздействия.

В науке уголовного права представлены различные точки зрения относительно разрешения данного вопроса. Так, Л. В. Иногамова-Хегай и Э. А. Казарян предлагают уменьшить сроки фактического отбытия наказания, после которых допускается условно-досрочное освобождение, до одной четверти, одной трети и половины срока наказания, назначенного судом за преступление небольшой или средней тяжести, тяжкое и особо тяжкое преступление соответственно².

Несмотря на то что такой подход дифференцирует сроки, в целом вряд ли он будет способствовать реализации принципа справедливости. Обозначенные авторами сроки неоправданно занижены

¹ Горшенин А. А. Условие условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Вестник Волжского университета им. В. Н. Тагичева. 2010. Вып. 72. С. 49.

² См.: Иногамова-Хегай Л. В., Казарян Э. А. Основания и предпосылки применения условно-досрочного освобождения // Уголовное право. 2003. № 4. С. 29.

в сравнении с аналогичными сроками, установленными для лиц, совершивших преступление в совершеннолетнем возрасте. Безусловно, в настоящее время прослеживается тенденция к гуманизации уголовной политики в отношении несовершеннолетних, и позиция правоведов следует этой правовой закономерности. Вместе с тем смягчение ответственности несовершеннолетних не должно нарушать требования принципа справедливости. Дело в том, что несовершеннолетие виновного признается в качестве смягчающего обстоятельства при назначении наказания. В связи с этим установление для данной категории льготных условий при условно-досрочном освобождении приведет, по сути, к двойному учету одного и того же обстоятельства. Кроме того, рассматриваемый подход не учитывает особенности условно-досрочного освобождения беременных женщин или женщин, имеющих ребенка в возрасте до трех лет.

Н. А. Селезнева и Г. И. Муромцев считают, что целесообразно ввести положение о том, что условно-досрочное освобождение от отбывания наказания может быть применено к лицам, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте, после фактического отбытия не менее половины срока наказания, назначенного судом за тяжкое преступление. Однако авторы предлагают применять это правило к лицам, осужденным за преступления против личности. В случае совершения несовершеннолетними иных тяжких преступлений, с точки зрения правоведов, должен применяться срок, установленный в действующем законодательстве¹.

Бесспорно, преступления против личности представляют собой один из наиболее опасных видов преступлений, и было бы логичным повысить срок фактического отбытия наказания, назначенного лицам за их совершение в несовершеннолетнем возрасте, после которого возможно применение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Вместе с тем включение в ст. 93 УК РФ предлагаемого Н. А. Селезневой и Г. И. Муромцевым правила также не разрешит существующую проблему, поскольку принцип справедливости требует, чтобы меры уголовно-правового воздействия устанавливались и назначались с учетом не только объекта посяга-

¹ См.: Селезнева Н. А., Муромцев Г. И. Условно-досрочное освобождение несовершеннолетних от отбывания наказания // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2012. № 2. С. 57.

тельства, а в целом характера и степени общественной опасности преступления.

Следует указать, что до принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ¹ предусматривалась возможность применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания к лицам, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте, осужденным к лишению свободы, после фактического отбытия не менее половины срока наказания, назначенного судом за любое тяжкое преступление. Такой подход является наиболее приемлемым, поскольку, во-первых, дифференцирует сроки фактического отбытия наказания, во-вторых, устраняет повторный учет одного и того же обстоятельства и, самое главное, учитывает характер и степень общественной опасности деяния, за которое лицо было осуждено.

За четверть века действия УК РФ законодатель постоянно пытается модернизировать уголовное законодательство. Примером такой деятельности может служить принятие Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»². Этот нормативный акт ввел в действие новый вид освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) и установил понятие судебного штрафа и порядок определения его размера.

Нельзя не согласиться с мнением, что, вводя судебный штраф, отечественный правотворец, делает дополнительные шаги к либерализации уголовного законодательства, в том числе посредством расширения перечня оснований освобождения от уголовной ответственности. При этом появляются и новые стимулы для позитивного

¹ См.: О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

² См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

посткриминального поведения гражданина, преступившего уголовный закон, облегчающие решение задач, закрепленных в ч. 1 ст. 2 УК РФ, а равно достижение корреспондирующих с данными задачами целей уголовной ответственности¹.

Институт судебного штрафа вызвал у теоретиков и практиков большой интерес, поставив перед ними ряд вопросов. Верховным судом РФ путем внесения изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» была предпринята попытка нивелировать возникшие проблемы, однако некоторые вопросы остались нерешенными, что указывает на несовершенство законодательного регулирования данного института.

На первый взгляд эта новелла не затрагивает принцип справедливости, гуманизма и законности. Вместе с тем в российском уголовном законе этот вид освобождения от уголовной ответственности и сущность судебного штрафа закреплены без учета личности виновного и прежде всего его несовершеннолетнего возраста.

Правоприменитель, пытаясь устранить дилемму, указывает, что «при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности на основании статьи 76.2 УК РФ суду необходимо учитывать особенности, предусмотренные нормами главы 14 УК РФ, касающиеся, в частности, исчисления сроков давности уголовного преследования, сроков погашения судимости, размера штрафа, который может быть назначен несовершеннолетнему в качестве наказания, и т. д.»².

Однообразный подход к применению судебного штрафа к совершеннолетним и несовершеннолетним лицам, совершившим преступление, снижает эффективность этого института в борьбе с преступностью несовершеннолетних.

¹ См.: Лобанова Л. В., Мкртчян С. М. Некоторые проблемы установления и реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право. 2016. № 6. С. 111.

² См.: О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

Некоторые ученые считают, что применение института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа к несовершеннолетним не целесообразно. При этом основывают свою позицию, во-первых, на сложности порядка реализации судебного штрафа, во-вторых, его неэффективности в достижении цели исправления несовершеннолетнего¹ и, в-третьих, рациональности реализации данной меры при существовании принудительных мер воспитательного воздействия².

Однако такой подход не позволит в полной мере применять к несовершеннолетним весь комплекс освобождений от уголовной ответственности, предусмотренный главой 11 УК РФ. Данное обстоятельство не только противоречит уравнивающей стороне принципа справедливости законности, но и правоприменительной практике.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» разъяснено, что «если суд по находящемуся в его производстве уголовному делу в отношении несовершеннолетнего, обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, придет к выводу о том, что отсутствуют основания для освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности в соответствии с положениями статей 75–78 УК РФ, но при этом его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных частью 2 статьи 90 УК РФ, то суд выносит постановление (определение) о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и применении к несовершеннолетнему

¹ См.: Козлова Е. Л., Баринова Е. Д. Судебный штраф как мера освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних // Российский судья. 2021. № 4 // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

² См.: Абашина Л. А., Минаков Г. Л. Судебный штраф – новая иная мера уголовно-правового характера // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 2. С. 266–274.

принудительных мер воспитательного воздействия в соответствии со статьей 90 УК РФ»¹.

Вместе с тем с учетом позиции законодателя в разделе пятом УК РФ и правоприменителя нерешенным остается вопрос о размере судебного штрафа и его уплате несовершеннолетним.

В уголовно-правовой доктрине существует мнение, что судебный штраф несовершеннолетний должен уплачивать самостоятельно². Можно возразить, ссылаясь на то, что в соответствии ч. 2 ст. 88 УК РФ штраф, назначаемый в качестве наказания может быть взыскан по решению суда с его родителей или иных законных представителей с их согласия. Безусловно, наказание несет ряд уголовно-правовых последствий, в частности судимость, за счет которой осуществляется исправительное воздействие на несовершеннолетнего.

В то же время при применении судебного штрафа речь идет о наличии оснований освобождения от уголовной ответственности, т. е. государство отказывается от ее реализации в отношении несовершеннолетнего и установления судимости за совершенное преступление. В связи с этим вполне допустима позиция Верховного Суда РФ о возможности уплаты судебного штрафа родителями, усыновителями или иными законными представителями с их согласия.

Порядок определения размера судебного штрафа закреплен законодателем в ч. 1 ст. 104.5 УК РФ, в которой устанавливается требование относительно максимального размера штрафа, а его минимальный размер не регламентирован.

К вышеуказанному пробелу многие авторы относятся очень критично, в частности М. Ю. Юсупов совершенно справедливо заметил, что действующее законодательство не запрещает назначать иную меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 28.10.2021) // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

² См.: Степашин В. М. Денежное возмещение и судебный штраф в системе мер уголовно-правового воздействия // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2017. С. 299.

в размере, например, ста рублей, и мотивировал такое решение имущественным положением лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и членов его семьи¹. Ряд судей при определении минимального размера судебного штрафа ориентируются на положение ст. 46 УК РФ².

Если придерживаться логики законодателя и правоприменителя, то размер судебного штрафа для несовершеннолетних не может превышать половину размера штрафа, установленного в ч. 2 ст. 88 УК РФ, т. е. от пятисот рублей до двадцати пяти тысяч пятисот рублей, или размер заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего, осужденного за период от одной недели до трех месяцев.

Вместе с тем ч. 1 ст. 104.5 УК РФ содержит требование, что если штраф не предусмотрен соответствующей статьей Особенной части УК РФ, размер судебного штрафа не может быть более двухсот пятидесяти тысяч рублей. Эта сумма в двадцать раз меньше максимального штрафа, предусмотренного ч. 2 ст. 46 УК РФ. Тогда какой логикой руководствоваться при определении судебного штрафа для несовершеннолетних.

При всех положительных моментах данного вида освобождения от уголовной ответственности отметим, что названные и другие проблемы, связанные с применением норм об освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа несовершеннолетним, существенно затрудняют их применение и по ряду положений не соответствуют принципу справедливости и законности.

Одной из проблем реализации принципов уголовного права в нормах Особенной части УК РФ является то, что законодатель использует термины «заведомо» и «заведомое». Полагаем, что этим законодатель стремится ограничить круг виновно совершаемых деяний. Анализ правоприменительной практики показал, что при квалификации преступлений установлению признаков заведомости не уделяется должного внимания. По нашему мнению, в некоторых составах это излишне и порождает проблемы применения уголовно-

¹ См.: Юсупов М. Ю. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовное право. 2016. № 6. С. 122–128.

² См.: Луценко Н. С. Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2019. С. 139.

правовых норм. УК РФ содержит достаточно норм, в которых есть признаки заведомости (заведомо или заведомое).

В. В. Мальцев, рассматривая данную проблему через призму принципа гуманизма, пишет, что «общественная опасность убийства беременной женщины, изнасилования несовершеннолетней или малолетней, при прочих равных условиях, выше, нежели убийства женщины, не находящейся в состоянии беременности, либо изнасилования взрослой потерпевшей и т. д. Между тем можно ли ставить степень защищенности таких важнейших объектов уголовно-правовой охраны, как жизнь женщины, находящейся в состоянии беременности, половая свобода и половая неприкосновенность несовершеннолетней и малолетней потерпевших, только в зависимости от умышленного либо неосторожного отношения виновного к упоминавшимся признакам составов убийства или изнасилования?»

Нет. Это несправедливо в отношении потерпевших, пострадавших от действий убийц или насильников, которые хотя и не осознавали, но по обстоятельствам дела должны были и могли осознавать факт и беременности, и соответствующего возраста своих жертв»¹.

Термин «заведомый» происходит от старославянской буквы «веди» – «знать» и в русском языке означает «хорошо известный, несомненный»².

В юридической литературе³ и судебной практике заведомость понимается как достоверная известность, убежденность⁴.

Так как одни и те же юридические термины в одном нормативном акте, т. е. УК РФ, должны иметь одно содержание, то и заведомость, будучи признаком основного либо квалифицированного состава, должна пониматься как достоверная известность, убежденность.

В качестве квалифицирующего признака заведомость чаще всего применяется законодателем для характеристики потерпевшего в следующих случаях:

¹ Мальцев В. В. Принципы уголовного права. С. 167.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. С. 199.

³ См., напр.: Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций. В 2 т. Т. 2. Особенная часть. М., 2004. С. 53.

⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 8. С. 2

- совершение преступления в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии;
- совершение преступления в отношении заведомо несовершеннолетнего лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего возраста;
- совершение преступления в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

В качестве примера рассмотрим признак «заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии» в преступлениях против жизни и здоровья. Заведомая беспомощность является квалифицирующим признаком в п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 110, п. «а» ч. 3 ст. 110.1, ч. 5 ст. 110.1, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112, п. «г» ч. 2 ст. 117 и ч. 2 ст. 120 УК РФ. В исследуемых составах заведомость во многом определяется установлением признаков беспомощного состояния.

Ошибки в определении беспомощного состояния потерпевшего одни из самых распространенных в судебной практике и связаны в основном с тремя ситуациями, в которых находились потерпевшие: алкогольное опьянение, сон, бессознательное состояние. В теории уголовного права распространена точка зрения о том, что такие случаи необходимо квалифицировать как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии¹.

Вместе с тем при квалификации убийств по признаку нахождения потерпевшего в беспомощном состоянии правоприменители руководствуются рекомендациями Верховного Суда РФ, данными в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1. В нем указывается, что по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, надлежит квалифицировать как «умышленное причинение смерти потерпевшему, не способному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К иным лицам, находящимся в беспомощном со-

¹ См.: Бородин С. В. Преступления против жизни. М., 1999. С. 101; Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Указ. соч. С. 177; Российское уголовное право: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. М., 2002. С. 25.

стоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее»¹.

На наш взгляд, приведенное нами правильное толкование беспомощного состояния подтверждается и судебной практикой.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала необоснованным осуждение Лапина и других по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) и исключила данный пункт статьи из приговора по следующим основаниям.

Вывод суда о том, что потерпевший во время убийства находился в беспомощном состоянии (к моменту смерти он был в состоянии сильного алкогольного опьянения), суд мотивировал тем, что повреждения потерпевшему причинены неодномоментно, дважды у него открывалось наружное кровотечение, он временно терял сознание, был в шоке.

Однако последнее обстоятельство относится к объективной стороне преступления и не свидетельствует о том, что осужденные совершили убийство лица, заведомо для них находившегося в беспомощном состоянии.

Состояние сильной степени алкогольного опьянения потерпевшего в данном конкретном случае не лишало его возможности оказать сопротивление или уклониться от посягательства; он сам спустился вниз из квартиры на вызов виновных; по заключению экспертов-медиков, на руках потерпевшего обнаружены повреждения, образовавшиеся при защите².

Данное судебное решение вызывает некоторые вопросы: в первую очередь, почему неодномоментность нанесенных повреждений и повреждения на руках должна свидетельствовать об активном противодействии виновным?

По другому уголовному делу, рассмотренному Судебной коллегией Верховного Суда РФ, установлено, что Б., имея умысел на

¹ См.: О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 5. С. 12.

причинение Л. телесных повреждений на почве личных неприязненных отношений, предложил О., С. и З. за денежное вознаграждение избить последнего. Получив их согласие, Б. совместно с О., С. и З. нанесли потерпевшему множественные удары руками и ногами по различным частям тела, причинив вред здоровью средней тяжести, в результате чего потерпевший потерял сознание. После избиения осужденные перенесли находившегося в бессознательном состоянии потерпевшего в лесопосадки.

С целью предотвращения возможного обращения потерпевшего в правоохранительные органы об избиении Б. предложил убить его и передал О. свой брючный ремень. Осужденные О. и С. накинули ремень на находившегося в беспомощном состоянии потерпевшего и задушили его. Смерть потерпевшего наступила в результате тупой травмы шеи, сопровождавшейся асфиксией.

Суд первой инстанции квалифицировал действия Б. по п. «г» ч. 2 ст. 112, ч. 5 ст. 33, пп. «в», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а С. – по п. «г» ч. 2 ст. 112, пп. «в», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Суд кассационной инстанции оставил указанный приговор без изменения.

В надзорной жалобе осужденный С. просил изменить судебные решения и исключить его осуждение по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, смягчив назначенное ему наказание.

Президиум Верховного Суда РФ изменил судебные решения в отношении С. и Б. по следующим основаниям.

Согласно уголовному закону по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, не способному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее.

Как установлено судом, осужденные, в том числе С. и Б., избивли потерпевшего, причинив его здоровью вред средней тяжести, доведя его до бессознательного состояния, а затем с целью сокрытия преступления убили.

Основанием для признания в действиях осужденных квалифицирующего признака, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, явилось то обстоятельство, что потерпевший находился в результате избиения осужденными в заведомо беспомощном для них состоянии.

Приведение потерпевшего в беспомощное состояние перед совершением убийства самим виновным, как это установлено судом по данному делу, не является основанием для квалификации его действий по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Состояние, в котором находился потерпевший в момент лишения его жизни, не может быть признано беспомощным по смыслу п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹.

По нашему мнению, состояние сна не является признаком, характеризующим беспомощность потерпевшего, и в этом мы солидарны с решением Президиума Верховного Суда РФ, который исключил из приговора осуждения С. по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ признак того, что убийство спящего нельзя считать убийством лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, в том понимании, как предусмотрено в диспозиции п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку сон является жизненно необходимым и физиологически обусловленным состоянием человека².

В теории уголовного права также существует точка зрения, что термин «состояние» можно заменить термином «положение»³, и получается, что по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ следует квалифицировать убийство упавших в воду, застрывших в трясине и т. п.

Во-первых, в теории и судебной практике нет единого понимания содержания юридически значимого признака – «беспомощное состояние». В правоприменительной практике «заведомость» – признак, равный по содержанию понятию «знать». Во-вторых, как можно вменять в вину лицу, совершившему преступление, признак «заведомо», т. е. достоверной известности, убежденности, если в судах различных инстанций оспаривается само наличие признака «беспомощное состояние».

¹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 7. С. 13.

³ См.: Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. С. 27.

Полагаем, что признак заведомости из п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 110, п. «а» ч. 3 ст. 110.1, ч. 5 ст. 110.1, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112, п. «г» ч. 2 ст. 117 и ч. 2 ст. 120 УК РФ необходимо исключить, так как он не соответствует принципам уголовного права.

Относительно исключения из иных уголовно-правовых норм признака заведомости вывод делать рано, это требует детального (каждого вида преступлений) научного исследования и обоснования правоприменительной практики.

На протяжении многих лет норма, устанавливающая ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка, вызывает интерес не только у правоведов, но и у общественности в целом.

Примечательно, что еще более века назад С. В. Познышев устанавливал зависимость признания рассматриваемого деяния преступным или непроступным, квалифицированным или привилегированным от этапа становления того или иного общества, сложившихся и утвердившихся социальных отношений. «Известно, – писал автор, – детоубийство пережило поучительную и интересную эволюцию: в одни эпохи и в одних местах оно не составляло преступления, в другие – попадало в квалифицированные виды убийства, в третьи – не выделялось из общего понятия убийства или становилось привилегированным видом убийства»¹.

В современном уголовном законодательстве данный вид убийства относится к привилегированному составу, т. е. со смягчающими обстоятельствами – ст. 106 УК РФ.

Сегодня право на жизнь признается естественным неотъемлемым правом каждого человека и подлежит защите со стороны государства, в том числе уголовно-правовыми средствами. Безусловно, в настоящее время российский законодатель одинаковым образом охраняет жизнь любого новорожденного ребенка, независимо от того, мальчик это или девочка, рожденный в законном браке или внебрачный, здоровый или с патологиями. Вместе с тем УК РФ установил наказание за убийство матерью своего новорожденного ребенка гораздо более мягкое, чем за простое убийство.

¹ Познышев С. В. [Рец. на кн.:] М. Н. Гернет. Детоубийство. Москва, 1911. 315 с. // Вопросы права (Журнал научной юриспруденции). 1912. IX (1). С. 186.

Отметим, что одной из первостепенных задач, стоящих перед государством в последние годы, является улучшение демографии. Президент Российской Федерации В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию 21 апреля 2021 г. особо подчеркнул, что сбережение и приумножение народа России является высшим национальным приоритетом¹. В целях выполнения этой задачи современным российским государством реализуется комплекс мер семейной политики, направленный на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми. Это, прежде всего, меры финансово-материального характера, помощь организационного профиля, работа по пропаганде социально престижного статуса материнства и отцовства. С 2020 г. в России вступили в силу дополнительные меры по стимулированию рождаемости. Как отметил Глава государства В. В. Путин, «даже в советское время с его широкой социальной программой поддержки граждан не было такой меры поддержки»².

Таким образом, в условиях беспрецедентной государственной политики в области поддержки семьи, материнства и детства, сохранения традиционных семейных ценностей, когда государство в буквальном смысле слова «борется» за каждого своего гражданина, столь «сниходятельное» отношение современного законодателя к матерям-убийцам своих новорожденных детей вызывает некую противоречивость.

Не согласуется данный факт и с положениями Основного Закона государства. В ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. были одобрены также поправки в Конституцию Российской Федерации, ориентированные на обеспечение защиты детей.

Обозначенное позволяет констатировать, что современному этапу развития нашего государства отнесение указанного вида убийства к преступлениям со смягчающими обстоятельствами явно не соответствует, что в свою очередь свидетельствует о проблеме реализации уголовно-правового принципа справедливости.

¹ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21 апреля 2021 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

² Помочь тем, кому труднее. Владимир Путин выступил с Посланием Федеральному Собранию. URL: <https://rg.ru/2020/01/15/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-v-poslanii-federalnomu-sobraniiu.html> (дата обращения: 08.07.2023).

Полагаем также, что лежащие в основе привилегированности обстоятельства, при которых совершается рассматриваемое деяние, вряд ли можно признать смягчающими наказание. Разумеется, во время родов и сразу же после них роженица испытывает тяжелейшие физические и психические страдания. Часто женщины, родившие ребенка, попадают в сложные жизненные ситуации. К числу обстоятельств, объясняющих столь бесчеловечный поступок, правоведы нередко относят отсутствие жилья и материальных средств на содержание ребенка¹. Вместе с тем в нынешних условиях, когда многие семьи живут только на детские пособия от государства, оправдывать мать-убийцу отсутствием средств на содержание ребенка не стоит. Более того, в современном социуме никакие обстоятельства не могут служить оправданием убийства ни в чем не повинного дитя. Появившийся на свет ребенок – это человек, наделенный всеми неотъемлемыми правами и уж тем более правом на жизнь. В силу беспомощного состояния, обусловленного малолетством, жизнь младенца всецело зависит от родившей его женщины. В связи с этим еще большее недоумение вызывает выделение умышленного лишения жизни ребенка его матерью в отдельный привилегированный состав. Согласимся с правоведами, полагающими, что рассматриваемое деяние следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, т. е. как убийство малолетнего².

Полагаем, что отнесение убийства матерью своего новорожденного ребенка к преступлениям со смягчающими обстоятельствами не соответствует современным условиям развития государства, что приводит к проблеме реализации принципа справедливости в уголовном праве.

Как справедливо отмечает Н. И. Пикуров, «в последние годы появились новые составы транспортных преступлений, в которых тяжесть последствий не учитывалась, а во внимание принимался лишь характер нарушаемых правил»³.

¹ См.: Уголовное право России. Особенная часть: учебник (часть I) / под ред. А. С. Сенцова. Волгоград, 2005. С. 47.

² См.: Алёнкин Н. Е. Вопросы уголовной ответственности за детоубийство (ст. 106 УК РФ) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 5. С. 101.

³ Пикуров Н. И. Основные тенденции развития законодательства об ответственности за транспортные преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 4 // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ в УК РФ была введена норма, а именно ст. 264.2 УК РФ, предусматривающая ответственность за «нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами»¹.

В исследуемой статье устанавливается ответственность за нарушение правил дорожного движения, выразившееся в превышении установленной скорости движения транспортного средства на величину более 60, но не более 80 км/ч (ч. 4 ст. 12.9 КоАП РФ), либо на величину более 80 км/ч (ч. 5 ст. 12.9 КоАП РФ), либо выезде в нарушение правил дорожного движения на полосу встречного движения или на трамвайные пути встречного направления, за исключением случаев объезда препятствия (ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ), лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами за любое из аналогичных правонарушений, совершенных повторно (ч. 7 ст. 12.9 КоАП РФ, ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ). Таким образом, одним из условий уголовной ответственности по данной норме является превышение скорости на 80 км/ч, более трех раз в год. Нужно ли это понимать как новую вариационность административной преюдиции, оправдан ли такой ход законодателя, покажет время.

Однако определенной спецификой данного состава является его субъект – в ч. 1 ст. 264.2 УК РФ лицо, подвергнутое административному наказанию и лишенное права управления транспортными средствами за любое из деяний, предусмотренных ч. 7 ст. 12.9 КоАП РФ и ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ; в ч. 2 ст. 264.2 УК РФ лицо, имеющее судимость за совершение преступления, предусмотренно-го ст. 264.2 УК РФ.

Вместе с тем данное законодательное определение субъекта исследуемого преступления противоречит принципам законности и равенства граждан перед законом. В части 1 ст. 264.2 УК РФ к субъекту преступления предъявляются следующие требования.

¹ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2021 № 458-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

Во-первых, он должен достигнуть шестнадцатилетнего возраста. Во-вторых, быть подвергнут административному наказанию за любое из деяний, предусмотренных ч. 7 ст. 12.9 КоАП РФ и ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ. В-третьих, в качестве наказания за совершенные правонарушения в соответствии с санкциями вышеуказанных норм административного законодательства субъект должен быть лишенным права управления транспортными средствами. Это нововведение противоречит не только принципам уголовного права, но и простой логике.

В соответствии с требованиями ч. 2 ст. 26 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» право на управление транспортными средствами предоставляется в основном лицам, достигшим восемнадцатилетнего или более старшего возраста¹. Исключением является управление мопедами и легкими квадроциклами и отдельными видами мотоциклов, где право управления предоставляется с шестнадцати лет. Отметим, что данная категория водителей, на наш взгляд, вряд ли совершает такое количество правонарушений, ответственность за которые наступает по ч. 7 ст. 12.9 КоАП РФ и ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ, чтобы это было основой для криминализации.

Наряду с этим субъектом преступления (ст. 264, 264.1 УК РФ) может быть не только водитель, но и любое другое лицо². Поэтому в аналогичных составах транспортных преступлений отсутствует требование, что субъектом может быть лицо, только лишенное права управления транспортными средствами, оно может и не иметь такого права.

Справедливо закрепить в диспозиции ст. 264.2 УК РФ при характеристике субъекта законодательную терминологию, предложенную в Федеральном законе от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31

¹ См.: О безопасности дорожного движения: федер. закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

² См.: О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: «не имеющим или лишенным права управления транспортными средствами»¹.

Обращает на себя внимание примечание к ст. 264.2 УК РФ, которое содержит следующие требования: «Действие настоящей статьи не распространяется на случаи фиксации административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи». То есть нарушитель, в третий раз в год превышающий установленную законом скорость более чем на 80 км/ч, не будет привлекаться к уголовной ответственности по ст. 264.2 УК РФ только потому, что факт его нарушения зафиксирован специальными техническими средствами в автоматическом режиме, а не сотрудником Государственной инспекции безопасности дорожного движения.

Однако такой подход при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности по ст. 264.2 УК РФ невозможен и противоречит всем принципам уголовного права. Разве от вида выявления (фиксации) совершенное деяние, содержащее все признаки состава преступления, перестает быть основанием уголовной ответственности?

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 14.07.2022 № 258-ФЗ // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

§ 2. Проблемы реализации принципов уголовного права при квалификации отдельных видов преступлений

Реализуя «общую уголовно-правовую оценку поступков людей как правомерных или неправомерных», правоприменитель осуществляет квалификацию преступления.

В. Н. Кудрявцев определяет «квалификацию преступления как установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой»¹.

А. В. Наумов считает, что это «установление соответствия или тождества признаков совершенного общественно опасного деяния признакам предусмотренного уголовным законом преступления»².

Квалификация преступления как процесс проходит ряд этапов. По мнению О. Ф. Шишова, таких этапов четыре:

- 1) установление фактических обстоятельств дела;
- 2) установление уголовно-правовой нормы, которой предусматривается ответственность за совершенное общественно опасное деяние;
- 3) установление точного соответствия признаков совершенного деяния и признаков состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой;
- 4) отражение уголовно-правовой оценки содеянного в уголовно-процессуальном документе³.

В. Н. Кудрявцев в этот процесс включает следующие этапы:

- 1) анализ фактических обстоятельств дела;
- 2) выбор (отыскание) соответствующей нормы;
- 3) удостоверение в правильности (подлинности) текста юридического источника, содержащего нужную норму, и установление его силы;
- 4) уяснение смысла и содержания нормы;

¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2001. С. 5.

² Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. Т. 2. Особенная часть. С. 22.

³ См.: Шишов О. Ф. Понятие, система и значение Особенной части Уголовного права // Российское уголовное право: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А. И. Рагога. С. 15.

5) толкование нормы;

6) применение решения и изучение акта, закрепляющего это решение¹.

Не вдаваясь в полемику о количестве этапов квалификации преступления, полагаем, что независимо от классификации этапов, предлагаемой учеными, правоприменитель должен соблюдать принципы уголовного права.

Исследуя вопрос о реализации принципов уголовного права при квалификации преступлений, приходим к выводу, что в правоприменительной деятельности существует практика «излишнего ударе-ния» на виновность лица при совершении общественно опасного деяния. В этом случае квалификация преступлений подвергается критической оценке, уголовные дела пересматриваются в различных судебных инстанциях. Споры о квалификации в суде, прежде всего, убеждают преступников в их невиновности и ущемлении законных прав.

В качестве примеров отступления от принципа равенства и вины приведем анализ некоторых типичных преступлений.

Так, п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159.3, ч. 2 ст. 159.5, ч. 2 ст. 159.6, ч. 2 ст. 160 УК РФ предусмотрен такой квалифицирующий признак, как «причинение значительного ущерба гражданину».

Чтобы определить содержание исследуемого обстоятельства, необходимо обратиться к п. 2 примечания к ст. 158 УК РФ, где утверждается, что значительный ущерб гражданину в статьях главы 21 УК РФ определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее пяти тысяч рублей. В этом законодательном утверждении в первую очередь содержится положение о неравенстве граждан перед законом, так как это зависит от их имущественного положения. Возникает вопрос: почему лица, совершившие преступления, равны перед законом, а потерпевший нет?

В. В. Мальцев отмечает противоречие данного положения ч. 2 ст. 8 Конституции РФ, в которой указывается, что «Российской Федерацией признаются и защищаются равным образом частная, государ-

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 13.

ственная, муниципальная и иные формы собственности», и подрыв единых оснований ответственности за хищения¹.

Возможно, сторонники сохранения квалифицирующего признака «причинение значительного ущерба гражданину» выдвинут тезис о том, что хищение на одну и ту же сумму причиняет разный ущерб малоимущему и богатому человеку, так как первого ставит в крайне затруднительное материальное положение, а второй может это легко пережить.

Возражая против данного аргумента, отметим, что и в первом, и во втором случае ущерб, причиненный в результате преступления, один – стоимость похищенного одинакова.

В соответствии с постановлением от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» Верховный Суд РФ рекомендует при квалификации действий лица, совершившего кражу по признаку причинения гражданину значительного ущерба, судам следует, руководствуясь п. 2 примечания к статье 158 УК РФ, учитывать имущественное положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и др. При этом ущерб, причиненный гражданину, не может быть менее размера, установленного примечанием к статье 158 УК РФ².

В пункте «в» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 160 УК РФ значительный ущерб, причиненный гражданину, является последствием в данных составах. Следовательно, в соответствии с требованиями принципа вины необходимо установить психическое отношение лица именно к причиненному значительному ущербу, т. е. понимание имущественного положения, соотношение размера ущерба и размера трудовых доходов и т. п., чего при совершении преступления нет.

¹ См.: Мальцев В. В. Ответственность за преступления против собственности: учеб. пособие. Волгоград, 1999. С. 75.

² См.: О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2012 г. № 29 (ред. от 15.12.2022) // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

Проблемы вменения данного признака связаны с тем, что законодатель не разъясняет, каким образом должен соотноситься доход лица с причиненным ему ущербом. Так, 30 мая 2020 г. около 00 часов 15 минут К. на своем мотоцикле марки «Мотоленд» красного цвета подъехал к домовладению, где решил проникнуть в указанное жилище, чтобы совершить кражу какого-либо ценного имущества. К., убедившись, что за его действиями никто не наблюдает, находясь на дворовой территории домовладения, используя найденный во дворе нож, снял с форточки деревянные рейки вместе с москитной сеткой и через образовавшийся проем проник в подсобное помещение указанного домовладения, где обнаружил обувную полку, на которой лежал кошелек из кожзаменителя коричневого цвета. Из данного кошелька К. похитил денежные средства в сумме 40 000 рублей, а также похитил кожаную куртку черного цвета, висевшую на вешалке и не представляющую для потерпевшего материальной ценности и значимости. С похищенным имуществом и денежными средствами К. скрылся с места преступления, распорядившись похищенным имуществом по своему усмотрению. В результате совершенного К. преступления потерпевшему причинен материальный ущерб на общую сумму 40 000 рублей, который для него не является значительным. Органом предварительного расследования подсудимому К. по данному преступлению вменялся квалифицирующий признак состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ, – причинение кражей значительного ущерба гражданину. Суд не согласился с вменением в вину подсудимому К. данного квалифицирующего признака, поскольку в ходе судебного разбирательства потерпевший утверждал, что причиненный ему материальный ущерб для него не значителен, так как его зарплата намного больше похищенной суммы денег, а поэтому из обвинения подсудимого К. подлежит исключению данный квалифицирующий признак¹.

Хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство относительно исследуемого признака. Не совсем удачным является использование в законе термина «гражданин»: по смыслу уголовно-

¹ См.: Приговор Борисоглебского городского суда (Воронежская область) от 16.10.2020 № 1-200/2020 // База данных судебных решений «СудАкт». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/TNXpdTi3OZN8/> (дата обращения: 13.06.2023).

правовой нормы это положение не относится к лицам без гражданства, но постоянно проживающим на территории России. Возникает вопрос о равенстве перед законом.

Главным критерием вменения либо невменения квалифицирующего признака «причинение значительного ущерба гражданину» является мнение потерпевшего. Это мнение высказывается на предварительном следствии, затем там же меняется, в виде непризнания значительного ущерба, то же самое происходит и при судебном рассмотрении. Причины изменения оценки ущерба потерпевшим настолько различны, что не имеет смысла их перечислять. Зависимость квалификации преступления, к примеру, от мнения потерпевшего, его законных представителей при хищении имущества несовершеннолетнего не только приводит к большому количеству судебно-следственных ошибок, но и свидетельствует об объективном вменении.

Полагаем, что в целях строгого соблюдения принципов уголовного права необходимо исключить из п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159.3, ч. 2 ст. 159.5, ч. 2 ст. 159.6, ч. 2 ст. 160 УК РФ такое квалифицирующее обстоятельство, как «причинение значительного ущерба гражданину».

Самостоятельной проблемой, обусловленной спецификой ее содержания, является вопрос о реализации принципов уголовного права в преступлениях с административной преюдицией. К примеру, О. С. Капинус пишет, что административная преюдиция «весьма эффективный инструмент, обеспечивающий согласованное действие смежных предписаний деликтного административного и уголовного права, позволяющий осуществлять „точечную“, адресную профилактику противоправного поведения. А потому он должен занять достойное место в арсенале технико-юридических средств реализации уголовной политики»¹. Однако отметим противоположную позицию. Так, Н. А. Лопашенко отмечает, что «действующий Уголовный кодекс уже знает преступление с административной преюдицией, при этом – в самом худшем ее виде. Если не начать категорически против подобных шагов законодателя возражать, мы

¹ Капинус О. С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 86.

получим продолжение разрушения уголовного закона. Он уничтожается не только бесконечными и безобразными реформациями его, но и бессмысленным уничтожением границ преступного и непроступного»¹.

Основным является вопрос о количестве совершенных административных правонарушений для признания их преступным деянием. Сколько должно быть этих деяний и что считать фактом привлечения к административной ответственности – момент вынесения соответствующего постановления или момент вступления его в законную силу.

Возьмем, к примеру, норму, регламентирующую уголовную ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 212.1 УК РФ).

В соответствии с примечанием к ст. 212.1 УК РФ лицо должно привлекаться ранее к административной ответственности более двух раз в течение 180 дней. Таким образом, преступным является только четвертое правонарушение, если оно повторено с высокой интенсивностью – в течение полугода².

Существует и другая точка зрения. И. В. Танага утверждает, что «из законодательной формулировки, раскрывающей неоднократность, можно сделать вывод о том, что третье правонарушение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию, образует состав преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ. Однако ряд правозащитников указывают, что „исходя из того, что написано в Уголовном кодексе, мы понимаем эту статью так: за 180 суток человек должен совершить три правонарушения, за которые он должен быть привлечен к ответственности, а затем совершить в этот же период четвертое – и вот только тогда он может быть привлечен к уголовной ответственности“». Однако такого рода утверждение относительно четвертого факта нарушения порядка прове-

¹ Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 71.

² См.: Лопашенко Н. А. Составы преступлений с административной преюдицией – «свои среди чужих»? // Российский следователь. 2022. № 4 // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

дения или организации публичного мероприятия противоречит словарной форме русского языка при описании соотношения количественных характеристик, а также математическому правилу»¹.

Относительно второй дилеммы интересна позиция Э. Л. Сидоренко, который отмечает, что «с момента составления протокола правонарушитель приобретает статус лица, привлекаемого к административной ответственности. Однако юридическим основанием для его привлечения к ответственности является не протокол, а постановление по делу об административном правонарушении»².

Здесь интересна позиция правоприменителя. Так, в апелляционном постановлении Московского городского суда от 17 июня 2015 г. № 10-7485/15 отмечается: ст. 212.1 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, если это деяние совершено неоднократно, т. е. (согласно примечанию к статье) когда лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, более двух раз в течение ста восьмидесяти дней. Из материала видно, что в отношении И. 13 сентября 2014 г., 14 сентября 2014 г., 16 января 2015 г. (два раза), т. е. четырежды в течение трех месяцев, были вынесены судебные постановления о признании его виновным в совершении административных правонарушений, предусмотренных различными частями ст. 20.2 КоАП РФ. При этом по смыслу уголовного закона при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 212.1 УК РФ принципиально важное значение имеет только факт неоднократного привлечения лица к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, независимо от того, вступили ли соответствующие постановления об этом на момент принятия решения в законную силу.

¹ Танага И. В. Уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации преступлений, предусмотренных статьей 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. 2017. № 2 (60). С. 37.

² Сидоренко Э. Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6 (234). С. 128.

Указанные выше обстоятельства были проверены судом первой инстанции в ходе рассмотрения жалобы заявителя. Суд установил, что обжалуемое постановление следователя о возбуждении в отношении И. уголовного дела вынесено при наличии к тому достаточных оснований, надлежащим должностным лицом, в рамках предоставленных ему ст. 38 УПК РФ полномочий, по своей форме и содержанию отвечает требованиям закона. Оснований не согласиться с этими выводами суда первой инстанции не имеется. Судебные решения по делам об административных правонарушениях в отношении И., которые легли в основу постановления о возбуждении в отношении него уголовного дела, вышестоящей судебной инстанцией отменены не были, что также свидетельствует о законности и обоснованности¹.

Вместе с тем в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления. В этом случае хотелось бы отметить позицию Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда: привлечение к административной ответственности состоит в назначении лицу, совершившему административное правонарушение, наказания, предусмотренного соответствующим законом².

Немаловажную роль играет и момент вступления постановления по делу об административном правонарушении в законную силу. Согласно ст. 31.1 КоАП РФ законом предусмотрено три периода:

1) после истечения срока, установленного для обжалования постановления по делу об административном правонарушении, если указанное постановление не было обжаловано или опротестовано;

¹ См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 17.06.2015 № 10-7485/15 // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 28.05.2023).

² См.: Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.10.2014 № 15АП-16948/14 // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 28.05.2023).

2) после истечения срока, установленного для обжалования решения по жалобе, протесту, если указанное решение не было обжаловано или опротестовано, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление;

3) немедленно после вынесения не подлежащего обжалованию решения по жалобе, протесту, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление.

В средствах массовой информации и научной среде¹ довольно широко обсуждалось постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина».

Конституционный Суд РФ выразил однозначную позицию относительно вопросов квалификации ст. 212.1 УК РФ. Так, в вышеуказанном постановлении суд установил: «Что касается соотношения диспозиции статьи 212.1 УК Российской Федерации с принципом *non bis in idem* (статья 50, часть 1 Конституции Российской Федерации), то предусмотренный ею состав преступления (равно как и иные составы преступлений, субъектом которых может быть лишь физическое лицо, ранее подвергнутое административному наказанию за аналогичное противоправное деяние) не предполагает – вопреки утверждению заявителя по настоящему делу – возможность наступления уголовной ответственности за те нарушения установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия, за которые лицо уже было подвергнуто административному наказанию. Основанием привлечения к уголовной ответственности в таких случаях является только такое нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия, которое совершено лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности по статье 20.2 КоАП Российской Федерации более двух раз в течение ста восьмидесяти дней,

¹ См.: Головкин Л., Коробеев А., Лопашенко Н., Пашин С., Резник Г., Богуш Г., Есаков Г. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. 2017. № 2. С. 21–29; Иванчин А. В. Постановление Конституционного суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П о ст. 212.1 УК РФ: анализ, значение для уголовного правотворчества и правоприменения // Вестник ЯрГУ. Серия. Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 65–71; и др.

в пределах срока, в течение которого это лицо считается подвергнутым административному наказанию за указанные административные правонарушения (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2012 г. № 16-П), и лишь при условии, что за инкриминируемое ему деяние это лицо не было подвергнуто административному наказанию за административное правонарушение, предусмотренное данной статьей.

Таким образом, криминализация неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия не сопряжена с возможностью привлечения совершившего его лица к уголовной ответственности за административные правонарушения, за которые это лицо ранее уже было подвергнуто административному наказанию, поскольку статья 212.1 УК РФ предусматривает ответственность лишь за такое противоправное деяние, которое не послужило основанием административной ответственности совершившего его лица.

По буквальному смыслу положений статьи 212.1 УК РФ неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования образует состав преступления безотносительно к тому, какое именно из предусмотренных статьей 20.2 КоАП РФ нарушение было совершено лицом, ранее привлекавшимся более двух раз в течение ста восьмидесяти дней к административной ответственности на основании той же статьи»¹.

Ярким примером обсуждаемой проблематики является правоприменение ст. 264.1 УК РФ.

Неоднозначно решается вопрос о привлечении к уголовной ответственности лица, которое подвергнуто административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения и после этого несколько раз управляет транспортным средством в состоянии опьянения. Так, в постановлении Президиума суда Ненецкого автономного округа от 17 января 2018 г. № 44У-1/2018 отмечается: приговором мирового судьи Ненецкого автономного округа

¹ См.: По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина: постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

судебного района Нарьян-Марского городского суда Ненецкого автономного округа судебного участка № 3 от 22 сентября 2017 г., вступившим в законную силу 27 октября 2017 г., Боднарук А. Б. признан виновным в совершении *двух* (курсив наш – О. С.) преступлений по статьям 264.1 УК РФ, а именно за управление механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения. Приговором мирового судьи от 22 сентября 2017 г. и апелляционным постановлением Нарьян-Марского городского суда Ненецкого автономного округа от 27 октября 2017 г. признано, что 15 июня 2017 г. Боднарук А. Б. был привлечен к административной ответственности постановлением мирового судьи Ненецкого автономного округа судебного района Нарьян-Марского городского суда Ненецкого автономного округа судебного участка № 1, вступившим в законную силу 27 июня 2017 г. Данным постановлением судьи он подвергнут административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения, т. е. за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ.

В последующем виновный дважды, 28 июня 2017 г. и 7 июля 2017 г., допустил управление транспортным средством в состоянии опьянения.

Оба этих деяния судами первой и второй инстанций квалифицированы применительно к ранее совершенному административному правонарушению от 15 июня 2017 г. по ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ как самостоятельные преступления по ст. 264.1 УК РФ, и за каждое из них назначено наказание, а окончательное наказание назначено по совокупности преступлений.

Президиум суда Ненецкого автономного округа посчитал, что подобная квалификация действий осужденного Боднарука А. Б. как *двух* (курсив наш – О. С.) самостоятельных преступлений противоречит диспозиции статьи 264.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного

должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного чч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ либо ст. 264 УК РФ.

По смыслу данной статьи уголовного закона преступление считается оконченным, когда виновное лицо, ранее привлеченное к административной либо уголовной ответственности по основаниям, указанным в ст. 264.1 УК РФ, в очередной раз стало управлять механическим транспортным средством в состоянии опьянения. Полно и достоверно установив фактические обстоятельства дела, суд допустил ошибку в своих выводах о квалификации действий осужденного Боднарука А. Б. и оставил без внимания требования ч. 2 ст. 6 УК РФ, что никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление, и положения ст. 252 УПК РФ, когда квалифицировал содеянное осужденным как два самостоятельных преступления¹. Данное решение суда в полной мере подчеркивает значимость принципа справедливости при квалификации преступлений.

Следующим примером, связанным с проблемой привлечения лица к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 264.1 УК РФ, может служить факт усиления уголовной ответственности с учетом ранее совершенного административного правонарушения. Так, Ярославский областной суд в апелляционном постановлении от 20 апреля 2022 г. № 22-772/2022 установил: Чевпотенко Р. В. осужден за управление автомобилем лицом, находящимся в состоянии опьянения, имеющим судимость за совершение в состоянии опьянения преступлений, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ. Проверив материалы дела и обсудив доводы апелляционного представления и апелляционных жалоб, заслушав выступления участников процесса, суд апелляционной инстанции нашел приговор подлежащим изменению по следующим основаниям. В контексте определения осужденному вида и размера наказания суд излишне сослался на совершение им административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 12. 8 КоАП РФ, поскольку данное обстоя-

¹ См.: Постановление Президиума суда Ненецкого автономного округа от 17.01.2018 № 44У-1/2018 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/556666144> (дата обращения: 28.06.2023).

тельство включено в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, за совершение которого он осужден приговором от 12 октября 2017 г., а эта судимость – в объективную сторону инкриминируемого преступления. Вышеуказанный суд постановил: приговор Большесельского районного суда Ярославской области от 11 февраля 2022 г. изменить. Исключить из описательно-мотивировочной части приговора абзац третий с указанием на привлечение Чевпотенко Р. В. к административной ответственности по ч. 1 ст. 12. 8 КоАП РФ¹.

Безусловно, в соответствии с принципами законности и справедливости обстоятельства ранее совершенного административного правонарушения не должны влиять на вопрос о привлечении к уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ. Уголовно-правое значение имеет сам факт, что лицо, управляющее транспортным средством в состоянии опьянения, ранее подвергнуто административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения.

Единственным преступлением против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления («должностные преступления»), совершаемым по неосторожности, является халатность (ст. 293 УК РФ).

По мнению П. Г. Пономарева, объективная сторона данного преступления включает три обязательных признака:

- 1) неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей по службе;
- 2) существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства – как последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения должностным лицом своих обязанностей;
- 3) причинная связь между деянием должностного лица и наступившими последствиями.

Автор при этом дает определение неисполнения и ненадлежащего исполнения должностным лицом своих обязанностей. Так, неисполнение должностным лицом своих обязанностей выражается

¹ См.: Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 20.04.2022 № 22-772/2022 // База данных судебных решений «СудАкт». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1R7ldXNmzZQq/> (дата обращения: 29.06.2023).

в бездействии должностного лица, невыполнении возложенных на него обязанностей полностью либо частично. Под ненадлежащим исполнением должностным лицом своих обязанностей следует понимать исполнение их в неполном объеме, неточное и несвоевременное исполнение, выполнение их недобросовестно¹.

Вместе с тем в ч. 1 ст. 293 УК РФ отмечается, что халатность – это «неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства».

Возникает вопрос, что же следует понимать под «недобросовестным или небрежным отношением к службе»?

Термин «отношение», как правило, применяется для характеристики субъективной стороны преступления. К примеру, вина в виде психологической категории определяется как психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному и уголовно противоправному деянию, его общественно опасным последствиям и другим юридически значимым обстоятельствам совершения преступления².

В теории уголовного права³ общепризнано, что субъективная сторона данного преступления характеризуется неосторожной виной, как в виде легкомыслия, так и небрежности.

Соответственно, с точки зрения характеристики субъективной стороны преступления и руководствуясь требованием ч. 3 ст. 26 УК РФ, под небрежным отношением к службе следует понимать отношение должностного лица к своим обязанностям, выраженное

¹ См.: Пономарев П. Г. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления // Российское уголовное право: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. С. 710.

² См.: Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунева, А. В. Наумова. М., 2005. С. 190.

³ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. Т. 2. Особенная часть. С. 651; Российское уголовное право: в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. С. 711; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедева. М., 2006. С. 765.

в их неисполнении или ненадлежащем исполнении и характеризующееся непредвидением наступления общественно опасных последствий.

Б. В. Волженкин, давая характеристику небрежности при халатности, указывает на необходимость «обосновать, что должностное лицо в этой конкретной ситуации не только должно было, но и могло в данной обстановке надлежаще выполнить свои обязанности и тем самым не допустить (предотвратить) вредные последствия. При этом учитываются как объективные внешние условия, в которых находилось данное должностное лицо, так и его субъективные возможности, связанные с профессиональной подготовленностью, опытом, уровнем образования, состоянием здоровья и т. п.»¹.

Однако на вопрос, что же такое «недобросовестное отношение», ни со стороны законодателя, ни со стороны правоприменителя ответа нет. Изучение судебной практики показало, что правоприменитель при рассмотрении дел, предусмотренных ст. 293 УК РФ, обычно не использует термин «недобросовестность». Так, Ярцевский городской суд в приговоре № 1-292/2021 1-67/2022 от 8 февраля 2022 г. установил: ФИО4 и ФИО5 совершили халатность, т. е. *ненадлежащее* исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие *небрежного* (курсив наш – О. С.) отношения к службе, если это повлекло существенное нарушение прав и законных интересов государства². Следующим наглядным примером является приговор № 1-38/2020 от 29 июля 2020 г. Нижегородского гарнизонного военного суда, в котором отмечается: на основании изложенного действия ФИО12, который, временно исполняя обязанности начальника штаба войсковой части №, находясь в штабе войсковой части №, являясь должностным лицом, ненадлежащим образом исполняя свои обязанности, вследствие недобросовестного и небрежного отношения к службе и исполнению своих обязанностей по должности, допустил нарушение требований ст. 96–97 Устава, пп. 2, 5, 6, 23, 24, 30 и 45 Руководства, пп. 14, 56, 107, 109

¹ Волженкин Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005. С. 242–243.

² См.: Приговор Ярцевского городского суда (Смоленская область) от 08.02.2022 № 1-292/2021 1-67/2022 // База данных судебных решений «СудАкт». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NUi4FbnaZir5/> (дата обращения: 18.07.2023).

и 111 Инструкции, должностной инструкции начальника штаба – заместителя командира батальона и помощника начальника штаба батальона, Положения. Однако ФИО12 вопреки данным требованиям не организовал учет личного состава войсковой части № и издание приказа командира войсковой части № об освобождении рядового переменного состава – потерпевшего № 1 от отбывания наказания, внес в документы по учету личного состава войсковой части № ошибочные сведения о дате освобождения потерпевшего № 1 из дисциплинарной воинской части, чем нарушил конституционное права потерпевшего № 1 на свободу. Военный суд расценил это как неисполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие *небрежного* (курсив наш – О. С.) отношения к службе и исполнению своих обязанностей по должности, повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов потерпевшего, и квалифицировал по ч. 1 ст. 293 УК РФ¹.

Н. Д. Евлоев отмечает, что в главе пятой Общей части УК РФ ничего не говорится о такой форме вины, как «недобросовестность». В части 2 ст. 26 УК РФ сказано о преступном легкомыслии, а в ч. 3 – о преступной небрежности. Согласно же ч. 2 ст. 3 УК РФ применение уголовного закона по аналогии не допускается².

«Недобросовестное отношение» не является синонимом ни «преступному легкомыслию», ни «преступной небрежности». Недобросовестное отношение к исполнению своих должностных обязанностей может выразиться и в косвенном умысле». Тем не менее далее автор, характеризуя халатность, пишет: «Текст закона может говорить только о неосторожной форме вины»³.

В науке уголовного права о недостатках формулировки ст. 293 УК РФ говорили и другие авторы.

С. Трофимов утверждает: «Следует указать и на половинчатость некоторых статей Особенной части УК. Так, в ч. 1 ст. 293 „Халатность“ субъективная сторона деяния характеризуется „небрежным отношением к службе“. Авторы комментариев УК единодушно от-

¹ См.: Приговор Нижегородского гарнизонного военного суда (Нижегородская область) от 29 июля 2020 г. № 1-38/2020 // База данных судебных решений «СудАкт». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nMz5CpQzOjUH/> (дата обращения: 18.07.2023).

² Евлоев Н. Д. Указ. соч. С. 26.

³ Там же.

мечают, что субъективная сторона халатности характеризуется неосторожностью (легкомыслием или небрежностью)¹. Если следовать логике автора, то по ч. 1 ст. 293 УК РФ к уголовной ответственности можно привлечь только за небрежность, соответственно «если обвиняемый в ходе процесса докажет, что предвидел возможные последствия, наступление которых не допускал, он должен быть оправдан судом»².

«При описании признаков халатности в ч. 1 ст. 293, – пишет В. А. Нерсесян, – не сказано, что предусмотренные ею последствия причиняются по неосторожности, такое указание есть только в диспозиции ч. 2 ст. 293 УК. Между тем в соответствии с другими признаками состава (недобросовестное или небрежное отношение к службе) и традиционным пониманием сущности халатности данное преступление не относится к числу умышленных и в том числе именно этим отличается от злоупотребления должностными полномочиями. Формально получается, что по ч. 1 ст. 293 УК никого нельзя привлечь к ответственности»³.

Разумеется, ни о какой умышленной форме вины при характеристике халатности речи быть не может, умышленное отношение должностного лица к последствиям (желание или сознательное допущение этих последствий) определяют содеянное как злоупотребление должностными полномочиями.

Н. А. Егорова отмечает, что «буквальное толкование ч. 1 ст. 293 УК РФ допускает «халатность» умышленную. Неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного отношения к службе может совершаться с косвенным умыслом по отношению к общественно опасным последствиям. Поэтому новая редакция ч. 1 ст. 293 УК РФ по-прежнему не исключает смешения халатности и злоупотребления должностными полномочиями»⁴.

¹ Трофимов С. Составы неосторожных преступлений в УК сформулированы небрежно // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 43.

² Евлов Н. Д. Указ. соч. С. 27.

³ Нерсесян В. А. Ответственность за неосторожные преступления. С. 155.

⁴ Егорова Н. А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции (управленческие преступления): монография. Волгоград, 2006. С. 58.

В 1948 г. была издана книга Б. С. Утевского «Общее учение о должностных преступлениях». В данной книге, давая характеристику халатности как состава преступления, автор указывал, «что понятия „небрежность“ и „недобросовестность“ характеризуют объективную сторону преступления и означают ненадлежащее, плохое по качеству выполнение обязанностей по службе»¹. По его мнению, нет никакого основания признавать термин «недобросовестность» формой виновности лица, данное понятие принципиально не отличается от понятия небрежности и характеризует последнее, т. е. «недобросовестность – это более резко выраженная небрежность»².

Законодательная характеристика халатности того времени выглядела следующим образом. Так, в ст. 111 УК РСФСР 1926 г. была установлена ответственность за «бездействие власти, т. е. невыполнение должностным лицом действий, которое оно по обязанности своей службы должно было выполнить, при наличии признаков, предусмотренных статьей 109, а равно халатное отношение к службе, т. е. небрежное или недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее за собой волокиту, медленность в производстве дел и отчетности и иные упущения по службе, при наличии тех же признаков»³. Законодательная конструкция состава преступления, предусматривающая ответственность за халатность, изменялась неоднократно, однако суть ее оставалась прежней.

На наш взгляд, законодатель при установлении ответственности за халатность должен учитывать следующие проблемы, связанные с закреплением признаков «недобросовестного или небрежного отношения» в диспозиции ч. 1 ст. 293 УК РФ.

Во-первых, она должна быть сконструирована с учетом двух видов неосторожности, т. е. легкомыслия и небрежности.

Во-вторых, объективная сторона данного состава характеризуется ненадлежащим исполнением должностным лицом своих обязанностей. При этом недобросовестное отношение выступает более высокой степенью ненадлежащего исполнения и входит в данное понятие.

¹ Утевский Б. С. Общее учение о должностных преступлениях. М., 1948. С. 403.

² Там же. С. 401–402.

³ Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 года. С. 33.

В-третьих, утверждая данные признаки в ч. 1 ст. 293 УК РФ, законодатель в других составах, в которых указывается на ненадлежащее исполнение обязанностей, этого не делает. К примеру, по логике законодательной техники диспозиция ч. 1 ст. 225 УК РФ должна выглядеть следующим образом: «Ненадлежащее исполнение своих обязанностей лицом, которому была поручена охрана огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, если это повлекло их хищение или уничтожение либо наступление иных тяжких последствий».

Такой подход позволит в полной мере реализовывать принципы уголовного права.

§ 3. Проблемы реализации принципов уголовного права при назначении наказания

Уголовное наказание – это мера государственного принуждения, которая может быть применена судом только к лицу, признанному виновным в совершении преступления, предусмотренного уголовным законом. Без вины невозможно назначение наказания, и если суд не установит вину лица в совершении конкретного преступления, то такое лицо не может быть подвергнуто наказанию. Иными словами, человек не может быть привлечен к уголовной ответственности, когда общественно опасное деяние было не только «делом его рук», но и продуктом его сознания и воли¹.

Назначение наказания является одной из важнейших фаз правоприменительной деятельности. На этой фазе правоприменитель должен учесть весь комплекс уголовно-правовых норм, имеющих значение при назначении наказания, предоставив при этом возможность обеспечить достижение целей наказания: восстановление социальной справедливости; исправление осужденного; предупреждение совершения преступлений как самим осужденным, так и другими лицами.

Именно поэтому вопрос о назначении наказания всегда представлял интерес для Верховного Суда РСФСР и РФ. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 апреля 1985 г.

¹ См.: Становский М. Н. Назначение наказания. СПб., 1999. С. 11.

«О применении судами РСФСР законодательства, регламентирующего назначение мер уголовного наказания» подчеркивалось, что законное, обоснованное и справедливое наказание является важным средством в борьбе с преступностью, способствует эффективному исправлению осужденных и предупреждению совершения новых преступлений, в связи с чем суды должны обратить особое внимание на необходимость дальнейшего совершенствования практики применения мер уголовного наказания на основе неукоснительного соблюдения норм уголовного законодательства¹.

На индивидуальность подхода к назначению наказания обращается внимание и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Так, в п. 1 постановления указывается: «Согласно статье 6 УК РФ справедливость наказания заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного»².

«Как видно из этих и ряда других разъяснений вышестоящих судов, – пишет М. Н. Становский, – главным в их содержании является то, что при назначении наказания суды в первую очередь должны руководствоваться основными принципами уголовного законодательства»³. При этом автор почему-то выделяет только принцип законности, принцип справедливости и принцип гуманизма.

Г. В. Новоселов утверждает, что «вопрос о принципах решается применительно к уголовному законодательству в целом. Из числа указываемых в этой связи принципов (законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости, гуманизма), в общих началах прямо упоминается только принцип справедливости, в то время как другие лишь предполагаются. Надо думать, что это не является случайным с той точки зрения, что о справедливости наказания можно говорить лишь при условии, что оно основано на законе, равенстве граждан перед законом, исходит из принципа субъективного

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1985. № 7. С. 5.

² О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

³ Становский М. Н. Указ. соч. С. 137.

вменения, отвечает требованиям гуманизма. В конечном счете, главное в данном случае не только то, сколько принципов названо, но и то, как они при этом понимаются и соотносятся между собой, в каких именно общих началах выражаются»¹.

Вступая в полемику с автором, В. В. Мальцев отмечает, что «в основе общих начал назначения наказания как раз и находится принцип справедливости как принцип категории «наказание». В этом своем качестве данный принцип, отражающий сущность наказания и выступающий предпосылкой его существования, на этом уровне обобщения охватывает идеи равенства и гуманизма, вины и законности: уравнивающая и распределяющая (гуманистическая) справедливость, вина как субъективное основание уравнивающей справедливости и законность как правовая, юридическая (нормативная) форма выражения справедливости. Иными словами, указанные идеи без принципа справедливости в категории «наказание» своего самостоятельного отражения не получают, их значение дополнительное. Основное же значение принадлежит принципу справедливости. Именно поэтому он один и указан в ст. 60 УК, как раз поэтому он и выступает в качестве основания общих начал назначения наказания»².

Реализация принципов законности, справедливости и других принципов уголовного права неразрывно связана с понятием наказания, его целями, общими началами назначения наказания, т. е. содержанием института наказания в целом.

В юридической литературе наблюдается различный подход к определению числа общих начал назначения наказания, закрепленных в ст. 60 УК РФ. Так, В. И. Ткаченко отмечает пять³, А. В. Наумов – шесть⁴, В. И. Зубкова – семь¹ начал. Различная количественная ха-

¹ Новоселов Г. П. Назначение наказания // Уголовное право. Общая часть / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой. М., 1997. С. 362.

² Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. С. 495.

³ См.: Ткаченко В. И. Общие начала назначения наказания // Российская юстиция. 1997. № 1. С. 10–11.

⁴ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2. Т. 1. Общая часть. С. 400–404.

рактика начал связана с тем, что ряд авторов сводят их в определенные группы. К примеру, М. Н. Становский выделяет четыре группы: «1) относящиеся к характеристике преступного деяния – его характер и степень общественной опасности; 2) относящиеся к характеристике личности виновного – его социально-правовой статус; 3) влияющие на степень ответственности виновного – обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, и 4) влияющие на исправление осужденного и условия жизни его семьи»².

Вместе с тем выделение законодателем в ч. 3 ст. 60 УК РФ «из вроде бы единого общего начала назначения наказания трех (учет характера и степени общественной опасности преступления; личности виновного; обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание) связано не только с огромным значением для назначения наказания каждого из указанных положений, объемом их содержания и сложностью установления, но и различием реализующихся посредством их принципов»³.

Учет характера и степени общественной опасности преступления выступает обязательным условием при назначении наказания.

В свое время А. Д. Соловьев писал, что характер общественной опасности определяется значением и важностью того охраняемого уголовным законом общественного отношения, которое является объектом данного вида преступления⁴.

А. В. Наумов под характером общественной опасности преступления понимает его качественное своеобразие, качественную характеристику его опасности как определенной разновидности уголовно наказуемого деяния⁵.

¹ См.: Зубкова В. И. Назначение наказания // Курс уголовного права. Общая часть. Т. 2. Учение о наказании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 74.

² Становский М. Н. Указ. соч. С. 146.

³ Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. С. 499.

⁴ См.: Соловьев А. Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 86.

⁵ См.: Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. Т. 1. Общая часть. С. 374.

Вместе с тем суть общественной опасности как неотъемлемое свойство каждого преступления определяется характером и объемом вреда, причиненного охраняемым законом объектам.

А. И. Марцев считает, что общественная опасность присутствует только тогда, когда «причиняется значительный ущерб общественным отношениям или ставит их под угрозу причинения такого ущерба»¹. Данная точка зрения связана с материальностью подхода к определению общественной опасности.

Общественная опасность – материальный признак преступного деяния, раскрывающий его социальную сущность, и ее суть заключается не только в том, что деянием причиняется вред объектам охраны, но и в том, что этим деянием виновный изменяет или разрушает общественные отношения, охраняемые уголовным законом. В вою очередь вина как ее признак обуславливается и выражается в общественной опасности как в социальном свойстве преступления.

Не случайно правоприменитель связывает характер и степень общественной опасности, т. е. «количественную характеристику преступных деяний одного и того же характера»² с формой вины.

При учете характера и степени общественной опасности преступления надлежит исходить из того, что характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления и при его учете следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред, а степень общественной опасности преступления зависит от конкретных обстоятельств содеянного (например, характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла либо неосторожности)³.

При назначении наказания суд обязан учитывать требования принципов уголовного права и рекомендации Верховного Суда РФ. Небрежное отношение к данным постулатам приводит к отмене су-

¹ Марцев А. И. Вопросы совершенствования норм о преступлении // Советское государство и право. 1988. № 11. С. 86.

² Наумов А. В. Указ. соч.

³ См.: О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 08.12.2018) // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

дебного решения. Так, в апелляционном постановлении Ярославского областного суда от 8 сентября 2022 г. № 22-1973/2022 отмечается: судом не дана оценка конкретным обстоятельствам уголовного дела, особенностям и числу объектов преступного посягательства, их приоритету, оставлены без оценки обстоятельства совершенного преступления, которое хотя и отнесено к категории преступлений средней тяжести, однако явилось результатом грубейшего нарушения водителем ФИО1 Правил дорожного движения, поскольку он, находясь в состоянии опьянения, совершил наезд на пешехода – несовершеннолетнюю, следовавшую по пешеходному переходу. Судом в достаточной степени не проанализированы фактические обстоятельства дела, отсутствуют в постановлении и выводы суда об изменении степени общественной опасности лица, совершившего преступление, после заглаживания вреда и примирения с потерпевшей.

Принимая оспариваемое решение, суд не оценил, соответствует ли это задачам правосудия – необходимости соблюдения общественного интереса, выражающегося в наказании виновного, управляющего средством повышенной опасности с грубыми нарушениями Правил дорожного движения в состоянии опьянения, что повлекло причинение несовершеннолетней потерпевшей тяжкого вреда здоровью, предупреждения совершения новых подобных правонарушений и защиты прав и законных интересов личности.

Отсутствие какой-либо оценки обстоятельств совершенного преступления, всестороннего исследования характера и степени общественной опасности содеянного, личности подсудимого не позволяет суду апелляционной инстанции согласиться с выводами суда первой инстанции о необходимости прекращения уголовного дела в отношении ФИО1.

Допущенные судом нарушения требований уголовного и уголовно-процессуального закона являются существенными, поскольку повлияли на вынесение по уголовному делу законного и обоснованного решения, влекут его отмену, неустранимы в суде апелляционной инстанции, ввиду чего уголовное дело подлежит передаче на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе суда¹.

¹ См.: Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 23.05.2023 № 22-1043/2023 // База данных судебных решений «СудАкт». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JUwLM0Javeow/> (дата обращения: 29.07.2023).

Правильная оценка характера и степени общественной опасности при назначении наказания зависит от формы, вида вины. С одной стороны, когда они являются признаками, их характеризующими, и с другой – когда выступают самостоятельными критериями оценки преступного поведения с учетом требований принципа вины.

Вторым важным фактором общих начал назначения наказания является требование об учете личности виновного.

«В характеристику личности преступника, устанавливаемую судом, – пишет А. В. Наумов, – входят его социально-психологические качества: отношение к труду, заслуги перед Отечеством, законопослушность, поведение в семье и в быту, образование, характер, здоровье, возраст, темперамент, волевые качества и другие признаки. Суд обязан рассматривать преступника не просто как абстрактного субъекта преступления, способного нести уголовную ответственность, а как конкретного человека с его индивидуальными качествами, действовавшего при определенных обстоятельствах. Учет указанных признаков личности вовсе не означает, что в зависимости от наличия тех или иных указанных и других признаков виновному будет назначено большее или меньшее наказание. Важно, чтобы суд с учетом этих признаков назначил ему справедливое наказание, в максимальной степени соответствующее целям наказания, определяемым в уголовном законе, в том числе достижению цели исправления виновного»¹.

По мнению ученого, назначенное судом наказание должно соответствовать и тяжести преступления, и личности осужденного. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» отмечается роль личности виновного при назначении наказания. Так, в п. 1 постановления разъясняется, что к сведениям о личности, которые подлежат учету при назначении наказания, относятся характеризующие виновного сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора (данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление

¹ Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. Т. 1. Общая часть. С. 375.

лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц)¹.

В теории уголовного права существует вопрос о взаимосвязи личности преступника и общественной опасности как ее свойства. Так, В. И. Ткаченко утверждает: «Поскольку преступление – это общественно опасное деяние, предусмотренное законом, величина его общественной опасности зависит от ряда объективных обстоятельств, но не от личности субъекта преступления. Свойства личности последнего не повышают и не понижают ее. Прежняя судимость, а тем более признание лица особо опасным рецидивистом, безусловно, свидетельствуют о наличии у субъекта стойких антиобщественных установок, которые не были устранены при отбытии наказания. Совершение им нового преступления есть доказательство его повышенной общественной опасности. Однако это не изменяет общественной опасности самого преступления, так как величина вреда охраняемым общественным отношениям остается неизменной»².

Оспаривая подобную позицию, В. Д. Филимонов пишет: «Утверждать, что общественно опасной личности не существует – это то же самое, что сказать: преступление хотя и осуществилось, но реальной возможности его совершения не было»³.

В. В. Мальцев, обсуждая вопрос об общественной опасности как свойстве личности преступника, отмечает: «Считать, что она не влияет на степень (величину) общественной опасности преступления деяния, значит, отрицать роль субъективной стороны (отсутствует личность с ее духовным миром – нет субъективного отношения к деянию, нет и деяния как осмысленного поступка), доказы-

¹ См.: О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

² Ткаченко В. И. Равенство уголовной ответственности // Советское государство и право. 1991. № 12. С. 87.

³ Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 40.

вать внеобщественное (без участия человека) происхождение социального свойства преступления»¹.

Собственно, общественная опасность как свойство личности связывает характеристику личности преступника с виной и ее степенью. Во-первых, пока виновность лица в совершении преступления не будет установлена судом, вопрос об общественной опасности личности не правомерен. Во-вторых, не случайно после основных вопросов, задаваемых присяжным заседателем в судебном заседании, «могут ставиться частные вопросы о таких обстоятельствах, которые влияют на степень виновности либо изменяют ее характер, влекут за собой освобождение подсудимого от ответственности. В необходимых случаях отдельно ставятся также вопросы о степени осуществления преступного намерения, причинах, в силу которых деяние не было доведено до конца, степени и характере соучастия каждого из подсудимых в совершении преступления. Допустимы вопросы, позволяющие установить виновность подсудимого в совершении менее тяжкого преступления, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту» (ч. 1 ст. 339 УПК РФ).

Анализ судебной практики показывает, что суды при мотивировке наказания ограничиваются общей ссылкой на личность виновного, что нередко приводит к отмене приговоров судов различных инстанций. Так, Верховный Суд Удмуртской Республики в апелляционном постановлении № 22-1068/2020 от 14 июля 2020 г. отметил, что в соответствии со ст. 6, 60 УК РФ лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и с учетом положений Общей части УК РФ, при этом учитываются характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, а также обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Как предусмотрено ч. 2 ст. 61 УК РФ, с учетом разъяснений, данных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Фе-

¹ Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. С. 509.

дерации уголовного наказания», перечень обстоятельств, смягчающих наказание, не является исчерпывающим. В качестве таковых суд вправе признать состояние здоровья подсудимого.

Из пояснений Бичурина И. Г., данных суду первой инстанции, следует, что он не служил в армии по состоянию здоровья. По сведениям, представленным военным комиссариатом, у Бичурина И. Г. имеется заболевание органов зрения.

Суд при назначении наказания, как обоснованно указано в апелляционном представлении, эти сведения о личности виновного не учел, что повлекло назначение несправедливого наказания. В итоге суд постановил: приговор Устиновского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 14 мая 2020 г. в отношении Бичурина И. Г. изменить, доводы апелляционного представления удовлетворить¹.

Одним из центральных мест в нормах об общих началах назначения наказания занимает положение о том, что суд при назначении наказания должен учитывать смягчающие и отягчающие обстоятельства. Вследствие этого исследование вышеуказанных обстоятельств вызывает неизменный интерес в науке уголовного права². Вместе с тем на протяжении длительного времени не было единого подхода относительно роли смягчающих и отягчающих обстоятельств. Одни авторы утверждали, что они оказывают влияние на степень вины³, другие – что смягчают или отягчают определяемое судом наказание⁴.

В теории уголовного права также высказываются различные взгляды относительно системы их классификации. Например, пред-

¹ См.: Апелляционное постановление Верховного Суда Удмуртской Республики (Удмуртская Республика) от 14.07.2020 № 22-1068/2020 // База данных судебных решений «СудАкт». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/A9LWVLYbrCQB/> (дата обращения: 30.07.2023).

² См., напр.: Кругликов Л. Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве: (Вопросы теории). Воронеж, 1985; Мясников О. А. Смягчающие и отягчающие наказание в теории, законодательстве и судебной практике. М., 2002; Мальцев В. В. Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств // Уголовное право. 2004. № 4. С. 33–35.

³ См.: Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1952. С. 370.

⁴ См.: Кузнецова Н. Ф., Куринов Б. А. Отягчающие и смягчающие обстоятельства, учитываемые при определении меры наказания // Применение наказания по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 92–101.

лагается классифицировать смягчающие и отягчающие обстоятельства на две группы: 1) характеризующие степень общественной опасности преступления; 2) характеризующие личность виновного¹. Некоторые авторы предлагают разделить данную систему на три группы: 1) обстоятельства, относящиеся к объективным и субъективным свойствам совершенного общественно опасного деяния; 2) обстоятельства, относящиеся к личности субъекта; 3) обстоятельства, относящиеся к причинам и условиям, с которыми связано данное преступное проявление². О. А. Мясников полагает, что «все смягчающие и отягчающие обстоятельства можно разделить на три группы, положив в основу классификации влияние того или иного обстоятельства на степень общественной опасности деяния и виновного. К первой группе следует отнести смягчающие и отягчающие обстоятельства, существенно понижающие или повышающие степень общественной опасности деяния и личности (например, активное содействие раскрытию преступлений, рецидив преступлений). И такое повышение или понижение прямо фиксируется законодателем в определенных рамках. Ко второй группе – обстоятельства, имеющие относительно меньшее влияние (например, противоправность или аморальность поведения потерпевшего, совершение преступления с использованием форменной одежды). Здесь нет конкретной фиксации уровня учета обстоятельств, но они непосредственно связаны с преступлением, с характеристикой общественной опасности виновного лица. К третьей группе – внешне нейтральные обстоятельства. Взятые сами по себе, они не влияют на понижение или повышение степени общественной опасности деяния и виновного, но учитываются, исходя из гуманистического подхода к личности преступника, либо в целях достижения социальной справедливости (например, беременность, наличие малолетних детей у виновного)»³.

Нет целостного мнения и при квалификации конкретно смягчающих обстоятельств. К примеру, В. Г. Беляев предлагает их раз-

¹ См.: Анашкин Г. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность // Советская юстиция. 1980. № 6. С. 22–24.

² См.: Гаверов Г. С. Общие начала назначения наказания по советскому уголовному праву. Иркутск, 1976. С. 86.

³ Мясников О. А. Указ. соч. С. 32–33.

делять на три разряда по обязанности правоприменителя учитывать их при назначении наказания¹. В. В. Мальцев – на четыре группы по характеру реализации гуманистической стороны справедливости обстоятельств, смягчающих наказание².

Вопрос о систематизации обстоятельств, влияющих на назначение наказания, играет определенную теоретическую и практическую роль и дает возможность уяснить их значимость для конкретного случая назначения наказания, однако он выходит за рамки нашего исследования.

Вместе с тем особое место среди проблем реализации принципов уголовного права при назначении наказания занимают обстоятельства, связанные с положительным посткриминальным поведением. Анализ посткриминального поведения дает существенную информацию о психологических качествах личности и не может не учитываться судом при назначении наказания.

К позитивному посткриминальному поведению законодатель в пп. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ относит следующие обстоятельства: «явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления, оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему».

Кроме того, требования ч. 2 ст. 61 УК РФ: «При назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих и обстоятельства, не предусмотренные частью первой настоящей статьи», оставляют данный перечень открытым.

К примеру, по приговору Ленинского районного суда г. Махачкалы от 15 декабря 2022 г. № 1-723/2022 действия гражданин ФИО2 судом квалифицированы по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ.

¹ См.: Беляев В. Г. Назначение наказания // Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. А. С. Сенцова. С. 360.

² См.: Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. С. 520.

В соответствии с п. «г» ч. 1 и ч. 2 ст. 61 УК РФ суд признает в качестве обстоятельств, смягчающих вину подсудимого, полное признание вины, раскаяние в содеянном, положительную характеристику, наличие четверых малолетних детей на иждивении, *молодой возраст виновного* (курсив наш – О. С.)¹.

Вместе с тем, как показывает судебная практика, правоприменитель нередко переоценивает роль «явки с повинной» как обстоятельства, подлежащего доказыванию и учету при назначении наказания.

Так, в апелляционном постановлении № 22-663/2018 22-663/2019 от 12 марта 2019 г. Кемеровского областного суда установлено, что признательные показания и явку с повинной по преступлению в отношении потерпевшей С. написал под физическим давлением со стороны сотрудников полиции, что подтверждается зафиксированными телесными повреждениями (рассечение брови и другие побои) в отделении травматологии, ИВС. С. пояснил, что с 8 по 28 августа 2018 г. он находился в больнице в связи с попыткой суицида, проходил лечение, принимал психотропные препараты и, соответственно, не в полной мере понимал и осознавал, что с ним происходит, в том числе при ознакомлении с обвинительным заключением и материалами уголовного дела, на что он указывал в судебном заседании. Ни адвокатом, ни судом не были сделаны запросы в городскую больницу о состоянии здоровья С. с 8 по 28 августа 2018 г.

Изучив материалы дела, выслушав участников процесса, обсудив доводы, изложенные в апелляционных жалобах, суд апелляционной инстанции нашел приговор подлежащим отмене, а уголовное дело – возвращению прокурору для устранения препятствий для его рассмотрения судом².

Нередко явка с повинной сопровождается не только положительными мотивами – отказ от преступной деятельности и чисто-

¹ См.: Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы (Республика Дагестан) от 15.12.2022 № 1-723/2022 // База данных судебных решений «СудАкт». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/VM6H0ftvcvU2/> (дата обращения: 30.07.2023).

² См.: Апелляционное постановление Кемеровского областного суда (Кемеровская область) от 12.03.2019 № 22-663/2018 22-663/2019 // База данных судебных решений «СудАкт». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LtVali354R5u/> (дата обращения: 30.07.2023).

сердечное раскаяние, изобличение других соучастников преступления, но и отрицательными – стремление расправиться с сообщниками, сокрытие более тяжкого преступления и т. п.

По мнению М. Н. Становского, явка с повинной имеет место «в случаях: 1) когда соответствующим органам не известно ни о совершенном преступлении, ни о лице, его совершившем, и само это лицо добровольно сообщает о своих деяниях, либо 2) когда этим органам известно об имевшем место преступлении, но не известно о том, кто его совершил, и виновный сам явился в органы и добровольно изложил обстоятельства преступления, либо 3) когда органам известно о совершенном преступлении и о лице, его совершившем, но до задержания это лицо добровольно явилось с повинной, не зная о своем разоблачении»¹.

Как отмечает В. Г. Беляев, «практика знает и такие случаи, когда осужденный уже в колонии или в тюрьме заявляет о ранее неизвестных эпизодах и деталях своего преступления, добиваясь снижения наказания при пересмотре дела. Явка с повинной как смягчающее обстоятельство будет и в этом случае, так как закон не ограничивает возможность „поворота к лучшему“»².

Проблемы применения явки с повинной в правоприменительной деятельности связаны с ее юридической природой. Явка с повинной – это не что иное, как обращение преступника в правоохранительные органы с целью решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности на «льготных» условиях.

«Явка с повинной, – пишет В. Г. Беляев, – это официальное, пусть даже и негласное, обращение виновного, вследствие прекращения им преступной деятельности, к правосудию за решением своей участи»³.

В отличие от дореформенного законодательства, УК РФ не упоминает о таком смягчающем обстоятельстве, как признание вины. Как отмечалось ранее в нашем исследовании, одной из составляющих социальной сущности вины является оценка общественно опасного поведения самой личностью. Данная оценка включает от-

¹ Становский М. Н. Указ. соч. С. 229.

² Беляев В. Г. Указ. соч. С. 365.

³ Там же.

рицательное отношение к преступлению со стороны лица, его совершившего и выбора последующего поведения для устранения общественно опасных последствий совершенного преступления.

Способность человека оценивать свое поведение и соглашаться с требованиями общества, предъявляемыми к нему, на наш взгляд, имеет значение для привлечения личности к уголовной ответственности. Этот факт должен учитываться правоприменителем при назначении наказания и выступать смягчающим обстоятельством.

Признание вины можно определить как своевременное, добровольное согласие лица с уголовно-правовой оценкой своего общественно опасного деяния, основанное на индивидуальном отношении к содеянному.

Несомненно, признание вины может быть составляющей явки с повинной и смежных с ней обстоятельств, смягчающих наказание, однако само по своей сущности относится к обстоятельствам, которые не только допустимы, но и обязательны при смягчении наказания.

В целях правильной и точной реализации принципа законности и вины при назначении наказания предлагается внести в перечень обстоятельств, смягчающих наказание, такое обстоятельство, как признание вины.

Вместе с тем в ч. 1 ст. 62 УК РФ законодатель устанавливает исключительные, резко отличающиеся от обычных правила назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пп. «и» и «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Часть 1 статьи 62 УК РФ содержит следующие требования: «При наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и (или) «к» части первой статьи 61 настоящего Кодекса, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.»

Тем не менее оправдана ли такая точка зрения законодателя?

«Несмотря на то что, – отмечает В. В. Мальцев, – по закону (ст. 62 УК) обстоятельства, предусмотренные пунктами „и“ и „к“ ч. 1 ст. 61 УК, действительно можно охарактеризовать как „наиваж-

нейшие“, „особые“ и „исключительные“, таковыми в общем-то они не являются»¹.

Нельзя не согласиться с мнением ученого по следующим позициям.

Во-первых, обстоятельства, указанные в пп. «и» и «к», характеризуют посткриминальное поведение личности. Вместе с тем, учитывая роль, которую данное поведение играет в характеристике общественной опасности лица, совершившего преступление, нельзя признать правильной позицию законодателя о выделении их из всей системы смягчающих обстоятельств. При всей своей важности положительное посткриминальное поведение никак не может повлиять на тяжесть совершенного преступления.

Нормы ч. 1 ст. 62 УК РФ могут быть применены только в случае, когда отсутствуют отягчающие обстоятельства. Значит, при назначении наказания необходимо исследовать и установить весь комплекс смягчающих и отягчающих обстоятельств. Однако ч. 2 ст. 63 УК РФ ограничивает возможность учета всех отягчающих обстоятельств, так как они выступают признаками преступления. Особо тяжкие преступления совершаются, как правило, при наличии в деянии почти всех отягчающих обстоятельств, перечисленных в ч. 1 ст. 63 УК РФ, но по причине того, что они уже выступают квалифицирующими обстоятельствами, влиять на требования ст. 62 УК РФ не могут. Именно данным фактом обуславливается большое количество судебных ошибок при применении норм ст. 62 УК РФ.

Так, по приговору Новосибирского областного суда от 1 июля 2010 г. Бондаренко Т. В., несудимая, осуждена к лишению свободы по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ *на 15 лет* (курсив наш – О. С.).

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 26 октября 2010 г. приговор оставлен без изменения.

Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденной, нашел судебные решения в отношении Бондаренко Т. В. подлежащими изменению по следующим основаниям.

¹ Мальцев В. В. Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств. С. 33.

Согласно ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ основаниями для отмены или изменения приговора, определения, постановления суда в порядке надзора являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального законов, повлиявшие на исход дела.

По настоящему делу допущено существенное нарушение уголовного закона при назначении Бондаренко Т. В. наказания, которое выразилось в следующем.

Согласно ч. 1 ст. 62 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ) при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пп. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Указанная норма уголовного закона подлежала применению по данному делу при назначении наказания Бондаренко Т. В., поскольку по смыслу закона правила ч. 3 ст. 62 УК РФ о неприменении положений части первой указанной нормы УК РФ не распространяются на лиц, которым по закону не может быть назначено пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

Суд признал в качестве обстоятельства, смягчающего наказание Бондаренко Т. В., явку с повинной, т. е. обстоятельство, предусмотренное п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Обстоятельств, отягчающих наказание осужденной, судом установлено не было.

Наказание, назначенное Бондаренко Т. В. по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, превышает пределы, установленные ч. 1 ст. 62 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ), оно не могло быть более *13 лет 4 месяцев лишения свободы* (курсив наш – О. С.)¹.

Во-вторых, законодатель в ч. 1 ст. 64 УК РФ при назначении более мягкого наказания, указание на исключительность обстоятельств связывает с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления

¹ См.: Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 16.03.2022 № 2-46/10 // База данных судебных решений «СудАкт». URL: <https://sudact.ru/vsrfl/doc/A90BOOehgZUJ/> (дата обращения: 31.07.2023).

и другими обстоятельствами, существенно уменьшающими степень общественной опасности преступления, а также при активном содействии участника группового преступления с раскрытием этого преступления. Нужно признать, что посткриминальное поведение лица занимает в этом перечне свое надлежащее, но абсолютно не особое положение. Справедливо признавая исключительными обстоятельствами отдельные смягчающие обстоятельства, законодатель, прежде всего, связывает их с целью и мотивами преступления, ролью виновного во время его совершения. Именно данные обстоятельства, а также посткриминальное поведение в равной мере влияют на характер и степень общественной опасности преступления и степень вины лица, его совершившего. Как, отмечает В. В. Мальцев, «законодатель, тем не менее, не считает возможным в рамках ординарного порядка назначения наказания (ст. 62 УК) закрепить значение не только этих отдельных, не связанных с пп. «и» и «к» ч. 1 ст. 61 УК обстоятельств или обстоятельств, с очевидностью превосходящих указанные в ст. 62 УК (обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время... совершения преступления) по влиянию на наказание, но и целой совокупности таких обстоятельств»¹.

В-третьих, в самой правовой норме закреплено, что при наличии хотя бы одного смягчающего обстоятельства из перечисленных в пп. «и» и «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ и отсутствии отягчающих обстоятельств срок и размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Следовательно, это требование действует только на срок и размер наиболее строгого наказания из указанных в санкции. К примеру, санкция ч. 1 ст. 116.1 УК РФ предусматривает наказание в виде штрафа в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательных работ на срок до двухсот сорока часов, либо исправительных работ на срок до шести месяцев, либо ареста на срок до трех месяцев. При осуждении лица по ч. 1 ст. 116.1 УК РФ суд,

¹ Мальцев В. В. Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств. С. 34.

устанавливая наличие обстоятельств, перечисленных в пп. «и» и «к» ст. 61 УК РФ, может назначить не более двух третей срока только ареста (два месяца). По смыслу ч. 1 ст. 62 УК РФ на менее строгие виды наказания, предусмотренные в санкции ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, данные требования не распространяются. В то же время наказание в виде ареста в России не назначается. Это означает, что положение ст. 62 УК РФ на данном этапе развития уголовной политики невозможно применить к статьям УК РФ, в санкциях которых предусмотрено максимальное наказание в виде ареста.

Требование ч. 1 ст. 62 УК РФ вступает в противоречие с положениями главы 14 УК РФ, регламентирующими особенности уголовной ответственности несовершеннолетних. Так, при совершении несовершеннолетним преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ («Убийство»), срок и размер наказания должны рассчитываться не из максимального срока, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ (15 лет лишения свободы), а в соответствии с общей нормой, предусмотренной ст. 88 УК РФ, т. е. из десяти лет как максимального наказания, предусмотренного за совершение несовершеннолетними особо тяжкого преступления.

На основании изложенного считаем, что действующая редакция ч. 1 ст. 62 УК РФ не только вступает в противоречие с нормами Общей части УК РФ, регламентирующими назначение наказания, но и не отвечает требованиям принципов уголовного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК*

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

6. О безопасности дорожного движения : федер. закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

7. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

* Библиографический список оформлен на основании представленных автором библиографических сведений.

9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 260-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

Монографии, учебники и иная литература

12. Бабаев, В. К. Теория современного советского права / В. К. Бабаев. – Нижний Новгород : Нижегород. ВШ МВД РСФСР, 1991. – 155 с.

13. Бархатова, Е. Н. Уголовное право (Общая часть) : курс лекций / Е. Н. Бархатова, С. В. Габеев, Р. А. Забавко ; Вост.-Сиб. ин-т МВД России. – Иркутск : ВСИ МВД России, 2018. – 244 с.

14. Базаров, Р. А. Преступление. Состав преступления / Р. А. Базаров. – Челябинск : Челяб. юрид. ин-т, 1997. – 66 с.

15. Васильев, А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А. М. Васильев. – Москва : Юрид. лит., 1976. – 264 с.

16. Васильев, Н. В. Принципы советского уголовного права / Н. В. Васильев. – Москва : ВЮЗИ, 1983. – 60 с.

17. Волженкин, Б. В. Служебные преступления : комментарий законодательства и судебной практики / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург : Юридический центр «Пресс», 2005. – 560 с.

18. Гаверов, Г. С. Общие начала назначения наказания по советскому уголовному праву / Г. С. Гаверов. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 1976. – 100 с.

19. Галиакбаров, Р. Р. Уголовное право. Общая часть : учебник / Р. Р. Галиакбаров. – Краснодар : Кубан. гос. аграр. ун-т, 1999. – 448 с.
20. Дагель, П. С. Субъективная сторона преступления и ее установление / П. С. Дагель, Д. П. Котов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. – 243 с.
21. Евлоев, Н. Д. Уголовно-правовые аспекты ответственности за неосторожность : монография / Н. Д. Евлоев. – Краснодар : КЮИ МВД России, 2002. – 235 с.
22. Егорова, Н. А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции (управленческие преступления) : монография / Н. А. Егорова. – Волгоград : Перемена, 2006. – 552 с.
23. Здравомыслов, Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация / Б. В. Здравомыслов. – Москва : Юрид. лит., 1975. – 168 с.
24. Злобин, Г. А. Умысел и его формы / Г. А. Злобин, Б. С. Никифоров. – Москва : Юрид. лит., 1972. – 264 с.
25. Иванов, Н. Г. Аномальный субъект преступления: проблемы уголовной ответственности : учеб. пособие для вузов / Н. Г. Иванов. – Москва : Закон и право, ЮНИТИ, 1998. – 224 с.
26. Келина, С. Г. Принципы советского уголовного права / С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев. – Москва : Наука, 1988. – 173 с.
27. Кибальник, А. Г. Лекции по уголовному праву / А. Г. Кибальник, И. Г. Соломоненко. – Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2000. – 528 с.
28. Коробков, Г. Д. Освобождение от уголовной ответственности и наказания по советскому уголовному праву / Г. Д. Коробков. – Москва : ВЮЗИ, 1981. – 72 с.
29. Кругликов, Л. Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве: вопросы теории / Л. Л. Кругликов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 164 с.
30. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. – Москва : Юристъ, 2001. – 304 с.
31. Кузнецова, Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности / Н. Ф. Кузнецова. – Москва : Госюриздат, 1958. – 220 с.

32. Кузнецова, Н. Ф. Преступление и преступность / Н. Ф. Кузнецова. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 232 с.
33. Курс уголовного права : в 5 т. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении : учеб. для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – Москва : ЗЕРЦАЛО, 1999. – 592 с.
34. Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н. А. Лопашенко. – Санкт-Петербург : Юридический центр «Пресс», 2004. – 339 с.
35. Мальцев, В. В. Введение в уголовное право / В. В. Мальцев. – Волгоград : Волгогр. юрид. ин-т МВД России, 2000. – 204 с.
36. Мальцев, В. В. Категория «общественно опасное поведение» в уголовном праве / В. В. Мальцев. – Волгоград : Волгогр. юрид. ин-т МВД России, 1995. – 188 с.
37. Мальцев, В. В. Ответственность за преступления против собственности : учеб. пособие / В. В. Мальцев. – Волгоград : Волгогр. юрид. ин-т МВД России, 1999. – 80 с.
38. Мальцев, В. В. Принципы уголовного права / В. В. Мальцев. – Волгоград : Волгогр. академия МВД России, 2001. – 266 с.
39. Мальцев, В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности / В. В. Мальцев. – Санкт-Петербург : Юридический центр «Пресс», 2004. – 694 с.
40. Мальцев, В. В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий / В. В. Мальцев. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 192 с.
41. Марцев, А. И. Общие вопросы учения о преступлении : монография / А. И. Марцев. – Омск : Изд-во Ом. юрид. ин-та МВД России, 2000. – 136 с.
42. Мясников, О. А. Смягчающие и отягчающие наказание в теории, законодательстве и судебной практике / О. А. Мясников. – Москва : Юрлитинформ, 2002. – 233 с.
43. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций. В 2 т. Т. 1. Общая часть / А. В. Наумов. – Москва : Юрид. лит., 2004. – 496 с.
44. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / А. В. Наумов. – Москва : Юрид. лит., 2004. – 832 с.

45. Нерсесян, В. А. Ответственность за неосторожные преступления / В. А. Нерсесян. – Санкт-Петербург : Юридический центр «Пресс», 2002. – 223 с.
46. Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. – Москва : Юристъ, 1997. – 472 с.
47. Пикуров, Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей : монография / Н. И. Пикуров. – Волгоград : Волгогр. юрид. ин-т МВД России, 1998. – 224 с.
48. Применение наказания по советскому уголовному праву : [сб. ст.] / [отв. ред.: проф. В. Д. Меньшагин, Н. Д. Дурманов]. – Москва : Изд-во МГУ, 1958. – 311 с.
49. Пудовочкин, Ю. Е. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств / Ю. Е. Пудовочкин, С. С. Пирвагидов. – Санкт-Петербург : Юридический центр «Пресс», 2003. – 297 с.
50. Разгильдиев, Б. Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права РФ / Б. Т. Разгильдиев. – Саратов : Саратов. ун-т, 1995. – 320 с.
51. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 1. Общая часть : учебник / Г. Н. Борзенков [и др.] ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. – Москва : ТК Велби, Проспект, 2006. – 520 с.
52. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2. Особенная часть : учебник / Г. Н. Борзенков [и др.]; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. – Москва : ТК Велби, Проспект, 2006. – 656 с.
53. Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А. И. Рарога. – Москва : Профобразование, 2002. – 880 с.
54. Соловьев, А. Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву / А. Д. Соловьев. – Москва : Госюриздат, 1958. – 204 с.
55. Становский, М. Н. Назначение наказания / М. Н. Становский. – Санкт-Петербург : Юридический центр «Пресс», 1999. – 480 с.
56. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право : часть общая : лекции. Т. 1 / Н. С. Таганцев. – 2-е изд., пересмотр. и доп. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1902. – 823 с.

57. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1 / Н. С. Таганцев. – Тула : Автограф, 2001. – 800 с.
58. Тихонов, К. Ф. Субъективная сторона преступления / К. Ф. Тихонов. – Саратов : СЮИ им. Д. И. Курского ; Приволж. книж. изд-во, 1967. – 104 с.
59. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред.: С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев. – Москва : Наука, 1987. – 276 с.
60. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. В. Н. Петрашева. – Москва : ПРИОР, 1999. – 542 с.
61. Уголовное право (теория наказания) : курс лекций / под ред. С. М. Малькова ; Сибир. юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019. – 216 с.
62. Уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. И. В. Дворянскова. – Москва : ИНФРА-М, 2023. – 583 с.
63. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. – Москва, 2017. – 384 с. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.
64. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристь, 2005. – 540 с.
65. Уголовное право России. В 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 1999. – 624 с.
66. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. А. С. Сенцова. – Волгоград : ВА МВД России, 2001. – 428 с.
67. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Р. Р. Галиакбарова. – Саратов : СВШ МВД РФ, 1997. – 425 с.
68. Утевский, Б. С. Общее учение о должностных преступлениях / Б. С. Утевский. – Москва : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 440 с.
69. Фефелов, П. А. Механизм уголовно-правовой охраны. Основные методологические проблемы / П. А. Фефелов – Москва : Наука, 1992. – 230 с.

70. Фефелов, П. А. Понятие и система принципов советского уголовного права / П. А. Фефелов. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. – 144 с.

71. Филимонов, В. Д. Криминологические основы уголовного права / В. Д. Филимонов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. – 213 с.

72. Филимонов, В. Д. Принципы уголовного права / В. Д. Филимонов. – Москва : Центр ЮрИнфоР, 2002. – 139 с.

Статьи

73. Абашина, Л. А. Судебный штраф – новая иная мера уголовно-правового характера / Л. А. Абашина, Г. Л. Минаков // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 2. – С. 266–274.

74. Антонов, А. Г. К вопросу о содержании принципа справедливости в уголовном праве / А. Г. Антонов // Уголовная юстиция. – 2020. – № 15. – С. 8–10.

75. Аснис, А. Я. Проблемы совершенствования действующего уголовного законодательства об ответственности за служебные преступления / А. Я. Аснис // Российский судья. – 2005. – № 5. – С. 44–46.

76. Бавсун, М. В. Проблемы определения содержания предмета и метода уголовного права в условиях современной концепции развития общественных отношений / М. В. Бавсун // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 4. – С. 570–580.

77. Басова, Т. Новации в законодательном установлении уголовной ответственности за халатность / Т. Басова // Уголовное право. – 2004. – № 4. – С. 10–12.

78. Виттенберг, Г. Б. Основные принципы советского уголовного права / Г. Б. Виттенберг // Советская юстиция. – 1978. – № 21. – С. 22–24.

79. Волошин, А. И. Ответственность за оставление места ДТП: административная или уголовная? / А. И. Волошин, С. А. Деревякина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71), № 3. – С. 110–115.

80. Демидов, Ю. А. Основные принципы советского уголовного права / Ю. А. Демидов // Вопросы борьбы с преступностью. – 1969. – Вып. 9. – С. 18–29.

81. Загородников, Н. И. Принципы советского социалистического права / Н. И. Загородников // Советское государство и право. – 1966. – № 5. – С. 65–74.
82. Злобин, Г. А. Виновное вменение в историческом аспекте / Г. А. Злобин // Уголовное право в борьбе с преступностью. – Москва : Ин-т гос-ва и права АН СССР, 1981. – С. 22–34.
83. Злобин, Г. А. Виновное вменение и уголовная ответственность / Г. А. Злобин // Актуальные проблемы уголовного права. – Москва : Изд-во ИГиП АН СССР, 1988. – С. 38–46.
84. Иванов, Н. Г. Парадоксы уголовного закона / Н. Г. Иванов // Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 50–57.
85. Иванчин, А. В. Постановление Конституционного суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П о ст. 212.1 УК РФ: анализ, значение для уголовного правотворчества и правоприменения / А. В. Иванчин // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2017. – № 2. – С. 65–71.
86. Иногамова-Хегай, Л. В. Основания и предпосылки применения условно-досрочного освобождения / Л. В. Иногамова-Хегай, Э. А. Казарян // Уголовное право. – 2003. – № 4. – С. 28–29.
87. Капинус, О. С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики / О. С. Капинус // Журнал российского права. – 2019. – № 6. – С. 86.
88. Келина, С. Г. Некоторые направления совершенствования уголовного законодательства / С. Г. Келина // Советское государство и право. – 1987. – № 5. – С. 65–71.
89. Кленова, Т. В. Принципы уголовного права и принципы кодификации в уголовном праве / Т. В. Кленова // Государство и право. – 1997. – № 1. – С. 54–59.
90. Козлова, Е. Л. Судебный штраф как мера освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних // Российский судья. – 2021. – № 4 / Е. Л. Козлова, Е. Д. Барина // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.
91. Коняхин, В. П. Специальные принципы международного и российского уголовного права: единство и особенности / В. П. Коняхин, А. К. Князькина // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения : материалы XIII

Российского конгресса уголовного права. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – С. 497–501.

92. Кригер, Г. А. Место принципов уголовного права в системе принципов права / Г. А. Кригер // Советское государство и право. – 1981. – № 2. – С. 102–107.

93. Кругликов, Л. Л. О принципах назначения уголовного наказания / Л. Л. Кругликов // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 54–57.

94. Куринов, Б. А. О понятии и системе транспортных преступлений в законодательстве / Б. А. Куринов // Правоведение. – 1964. – № 3. – С. 108–114.

95. Лобанова, Л. В. Некоторые проблемы установления и реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности / Л. В. Лобанова, С. М. Мкртчян // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 111–121.

96. Лопашенко, Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! / Н. А. Лопашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3 (23). – С. 64–71.

97. Лопашенко, Н. А. Глава 22 Уголовного кодекса нуждается в совершенствовании / Н. А. Лопашенко // Государство и право. – 2000. – № 12. – С. 20–27.

98. Лопашенко, Н. А. Составы преступлений с административной преюдицией – «свои среди чужих»? / Н. А. Лопашенко // Российский следователь. – 2022. – № 4 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

99. Лопашенко, Н. А. Уголовная политика по принципу «Чего изволите», или Уголовный закон как средство решения всех проблем / Н. А. Лопашенко // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. – 2015. – № 1. – С. 44–55.

100. Малейн, Н. С. Правовые принципы, нормы и судебная практика / Н. С. Малейн // Государство и право. – 1996. – № 6. – С. 12–18.

101. Мальцев, В. В. Принципы уголовного законодательства и общественно опасное поведение / В. В. Мальцев // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 98–102.

102. Мальцев, В. В. Назначение наказания при наличии смягчающих обстоятельств / В. В. Мальцев // Уголовное право. – 2004. – № 4. – С. 33–35.

103. Мицкевич, А. В. Система права и система законодательства: развитие научных представлений и законотворчества / А. В. Мицкевич // Проблемы современного гражданского права : сб. ст. – Москва : Городец, 2000. – С. 20–45.

104. Нерсесян, В. А. Неосторожная вина: проблемы и решения / В. А. Нерсесян // Государство и право. – 2000. – № 4. – С. 59–70.

105. Нерсесян, В. А. Особенности установления причинной связи в составах преступлений, совершенных по неосторожности / В. А. Нерсесян // Уголовное право. – 2000. – № 3. – С. 31–34.

106. Никифоров, А. С. Основные вопросы уголовной ответственности за преступление, совершенное по небрежности / А. С. Никифоров // Учен. зап. ВИЮН. Москва : Госюриздат, 1955. – Вып. 1. – С. 134–174.

107. Ображиев, К. В. Принципы уголовного права: оптимизация содержания и формы / К. В. Ображиев // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. В 2 т. Т. 1. – Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2017. – С. 247–254.

108. Пикуров, Н. И. Основные тенденции развития законодательства об ответственности за транспортные преступления / Н. И. Пикуров // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 4 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

109. Познышев, С. В. [Рец. на кн.:] М. Н. Гернет. Детоубийство. Москва, 1911. 315 с. / С. В. Познышев // Вопросы права (Журнал научной юриспруденции). – 1912. – IX (1). – С. 186.

110. Рарог, А. И. Неосторожная вина: проблемы и решения / А. И. Рарог, В. А. Нерсесян // Закон и право. – 1999. – № 9. – С. 22–29.

111. Селезнева, Н. А. Условно-досрочное освобождение несовершеннолетних от отбывания наказания / Н. А. Селезнева, Г. И. Муромцев // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». – 2012. – № 2. – С. 55–63.

112. Сидоренко, Э. Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения / Э. Л. Сидоренко // Журнал российского права. – 2016. – № 6 (234). – С. 125–133.

113. Степашин, В. М. Денежное возмещение и судебный штраф в системе мер уголовно-правового воздействия / В. М. Степашин // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – Москва : Оригинал-макет, 2017. – С. 298–301.

114. Танага, И. В. Уголовно-правовая характеристика и особенности квалификации преступлений, предусмотренных статьей 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации / И. В. Танага // Общество и право. – 2017. – № 2 (60). – С. 35–39.

115. Третьяк, М. И. Некоторые вопросы применения условного осуждения несовершеннолетних / М. И. Третьяк, И. В. Колячкина // Общество и право. – 2013. – № 2 (44). – С. 98–101.

116. Фефелов, П. А. Принципы советского уголовного права / П. А. Фефелов // Правоведение. – 1989. – № 2. – С. 36–42.

117. Филимонов, В. Д. Теоретические проблемы учения о вине в уголовном праве / В. Д. Филимонов // Уголовное право. – 2004. – № 3. – С. 69–71.

118. Шевелева, С. В. Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации / С. В. Шевелева, В. А. Можайкина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – № 54. – С. 722–753.

119. Юсупов, М. Ю. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / М. Ю. Юсупов // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 122–128.

120.

Диссертации и авторефераты диссертаций

121. Баранчикова, М. В. Значение принципов уголовного права в борьбе с преступностью : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Баранчикова Марина Вячеславовна. – Москва, 2009. – 186 с.

122. Берестенников, А. Г. Становление и развитие принципов российского уголовного права XVIII – начала XX в. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Берестенников Алексей Геннадьевич. – Москва, 2019. – 291 с.

123. Канубриков, В. А. Принцип законности в уголовном праве России: теоретические и правоприменительные проблемы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Канубриков Виталий Алексеевич. – Волгоград, 2011. – 183 с.

124. Кленова, Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Кленова Татьяна Владимировна. – Самара, 2001. – 387 с.

125. Коновальчук, М. В. Принцип справедливости и его реализация в уголовном праве РФ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Коновальчук Марина Валерьевна. – Саратов, 2009. – 204 с.

126. Луценко, Н. С. Судебный штраф: проблемы теории и правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Луценко Надежда Сергеевна. – Хабаровск, 2019. – 237 с.

127. Орлов, В. В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Орлов Валерий Васильевич. – Тамбов, 2005. – 214 с.

128. Рогова, Е. В. Исправительные работы и особенности их применения к несовершеннолетним : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Рогова Евгения Викторовна. – Иркутск, 2004. – 218 с.

129. Сабитов, Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Сабитов Тимур Рашидович. – Екатеринбург, 2019. – 421 с.

130. Скрипченко, Н. Ю. Теория и практика применения иных мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Скрипченко Нина Юрьевна. – Москва, 2013. – 347 с.

131. Черненко, И. В. Особенности уголовной ответственности и альтернативных ей мер в отношении несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Черненко Ирина Владимировна. – Кемерово, 2006. – 199 с.

132. Язовских, Ю. А. Проблемы вменения в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Язовских Юрий Анатольевич. – Екатеринбург, 1998. – 23 с.

Словари

133. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва : Сов. энцикл. ; Санкт-Петербург : Фонд «Ленингр. галерея», 1993. – 1628 с.

134. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 1 / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Рус. яз., 2000. – 1209 с.

135. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 2 / Т. Ф. Ефремова. – Москва : Рус. яз., 2000. – 1088 с.

136. Новейший философский словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Интерпрессервис : Кн. дом, 2001. – 1280 с.

137. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с.

Судебная практика

138. По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина : постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

139. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

140. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

141. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 28.10.2021) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

142. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

143. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2012 г. № 29 (ред. от 15.12.2022) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

144. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29.11.2016) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

145. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

146. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2022 г. № 2-46/10 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL : <https://sudact.ru/vsrf/doc/A90BOOehgZUJ/> (дата обращения: 31.07.2023).

147. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

148. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 октября 2014 г. № 15АП-16948/14 // Гарант : информ.-правовой портал. – URL : <https://www.garant.ru> (дата обращения: 28.05.2023).

149. Апелляционное постановление Московского городского суда от 17 июня 2015 г. № 10-7485/15 // Гарант : информ.-правовой портал. – URL : <https://www.garant.ru> (дата обращения: 28.05.2023).

150. Апелляционное постановление Кемеровского областного суда (Кемеровская область) от 12 марта 2019 г. № 22-663/2018 22-663/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/LtVali354R5u/> (дата обращения: 30.07.2023).

151. Апелляционное постановление Верховного Суда Удмуртской Республики (Удмуртская Республика) от 14 июля 2020 г. № 22-1068/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/A9LWVLYbrCQB/> (дата обращения: 30.07.2023).

152. Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 20 апреля 2022 г. № 22-772/2022 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1R7IdXNmXZQq/> (дата обращения: 29.06.2023).

153. Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 23 мая 2023 г. № 22-1043/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/JUwLM0Javeow/> (дата обращения: 29.07.2023).

154. Постановление Президиума суда Ненецкого автономного округа от 17 января 2018 г. № 44У-1/2018 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. – URL : <https://sudrf.cntd.ru/document/556666144> (дата обращения: 28.06.2023).

155. Приговор Нижегородского гарнизонного военного суда (Нижегородская область) от 29 июля 2020 г. № 1-38/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/nMz5CpQzOjUH/> (дата обращения: 18.07.2023).

156. Приговор Борисоглебского городского суда (Воронежская область) от 16 октября 2020 г. № 1-200/2020. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL : <http://sudact.ru/regular/doc/TNXpdTi3OZN8/> (дата обращения: 13.06.2023).

157. Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы (Республика Дагестан) от 15 декабря 2022 г. № 1-723/2022 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/ВМ6Н0ftvcvU2/> (дата обращения: 30.07.2023).

158. Приговор Ярцевского городского суда (Смоленская область) от 8 февраля 2022 г. № 1-292/2021 1-67/2022 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL : <https://sudact.ru/regular/doc/NUi4FbnaZir5/> (дата обращения: 18.07.2023).

Интернет-ресурсы

159. Помочь тем, кому труднее. Владимир Путин выступил с Посланием Федеральному Собранию. – URL : <https://rg.ru/2020/01/15/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-v-poslanii-federalnomu-sobraniiu.html> (дата обращения: 08.07.2023).

160. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г. А. Есаков, Р. О. Долотов, М. А. Филатова [и др.]. – Москва : Центр стратегических разработок, 2017. – URL : <http://csr.ru/news/ugolovnaya-politika-dorozhnaaya-karta-2017-2025-gg/> (дата обращения: 17.02.2023).

Научное издание

Стрилец Олег Валентинович

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ
УГОЛОВНОГО ПРАВА:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Монография

Редактор *М. В. Остертак*
Компьютерная верстка *Ю. В. Сиволапова*
Дизайн обложки *А. Н. Улизко*

При дизайне обложки использовались материалы сайтов:
<https://cdn.fishki.net/upload/post/2020/10/18/3450019/c64f34c25914a87755d4792453743a0d.jpg>

Волгоградская академия МВД России.
400075, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано в печать 21.12.2023. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Физ. печ. л. 7,8. Усл. печ. л. 7,2.
Тираж 100 экз. Заказ 71.

ОПиОП РИО ВА МВД России. 400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.